

30 октября

№123 2014

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

В ГРУЗИИ СОЗДАНА БАЗА ДАННЫХ О ЖЕРТВАХ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

В Национальной библиотеке парламента Грузии в Тбилиси 8 октября прошла презентация проекта «Сталинские списки из Грузии», в рамках которого была создана первая электронная база данных о жертвах сталинских репрессий.

Нино Лежава: «Группа исследователей изучала архивные дела более двух лет»

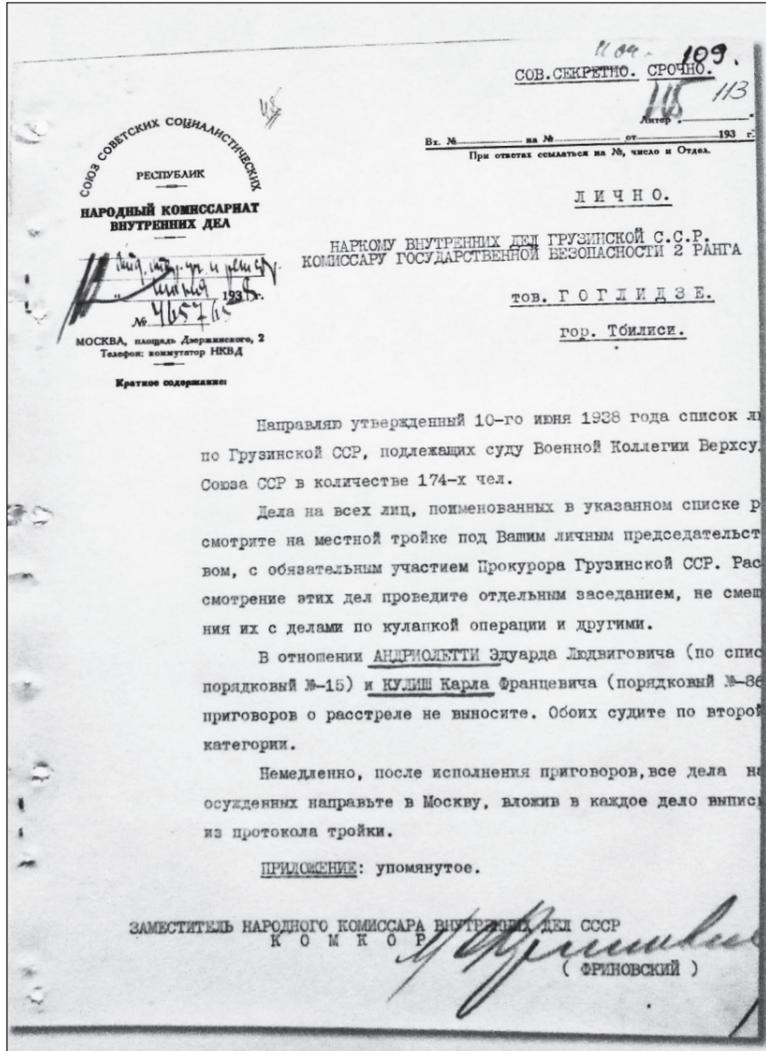
База данных составлена на основании материалов из разных источников — списков, предоставленных Международным обществом «Мемориал», документов из архивов Общества памяти и поддержки жертв политических репрессий, архива МВД Грузии. База также содержит фотографии и документы из архивов семей репрессированных.

«В базе данных «Сталинские списки из Грузии» содержится информация о лицах, репрессированных в 1937–1938 гг.: биографии, обстоятельства ареста, приговоры. Всего в базе данных содержатся краткие биографии 3600 человек, большинство из которых были расстреляны», — рассказала Нино Лежава, директор Южно-Кавказского бюро Фонда имени Генриха Белля.

«Осознание тоталитарного прошлого — одно из важных условий установления демократических ценностей в стране. Именно с этой целью Южно-Кавказское региональное бюро Фонда имени Генриха Белля выступило с инициативой изучения и осмысления советского прошлого Грузии. С 2009 г. Фонд вместе с партнерами и международными экспертами исследует историю тоталитаризма и стремится приобщить широкую общественность к дискуссии вокруг этого сложного вопроса», — говорит Лежава.

По ее словам, в рамках проекта группа исследователей более 2 лет изучала архивные дела, связанные с Большим террором 1937–1938 гг.

«Эти истории людей, которые были осуждены в Грузии непосредственно по приказу Сталина и других членов политбюро. Чем больше людей узнает о тоталитарной эпохе бывшей советской республики и историях жертв Большого террора, тем основательнее сумеет общество переосмыслить и переоценить новейшую историю своей страны. Без этого процесса невозможно освободиться от груза страшных преступлений, который препятствует демократическому развитию общества», — сказала Нино Лежава.

мыслить и переоценить новейшую историю своей страны. Без этого процесса невозможно освободиться от груза страшных преступлений, который препятствует демократическому развитию общества», — сказала Нино Лежава.

Георгий Квдиашвили: «Работа над архивом преступлений все еще продолжается»

«Пока база данных «Сталинские списки из Грузии» доступна на дисках на русском и грузинском языках», — рассказал Георгий

Квдиашвили, директор НПО «Институт развития свободы информации» (IDFI).

По его словам, на будущий год в рамках проекта планируется выпустить книгу с фотографиями.

«В Грузии изучение советского государственного террора практически не велось, и история политических репрессий в Грузинской Советской Социалистической Республике все еще пишется. Работа над архивом преступлений продолжается. За каждой строчкой отдельного расстрельного протокола — искаленные жизни реальных людей и разрушенные

семьи; десятки тысяч дел, в которых вынесен приговор целому поколению. Это очень болезненная тема — ведь и сегодня в Грузии есть прямые потомки тех людей, которые числятся в этом списке», — отметил Георгий Квдиашвили.

Проводимые в рамках проекта исследования будут продолжены, отметил он. «Мы до сих пор не знаем места захоронения не только этих 3600 человек, биографии которых представлены в базе данных, но и 21 тысячи репрессированных. Это трагедия всего нашего народа. Этим вопросом мы начали наше дело, но не закончили. Мы хотим продолжить исследования о репрессиях в Грузии».

Проект по созданию базы данных «помогает восстановить историческую справедливость», отметил представитель общества «Мемориал» в Грузии Иламаз Мицишвили.

«По данным «Мемориала», что касается Грузии, точных данных о количестве репрессированных не существует. И я очень рад, что было проведено исследование, благодаря которому мы узнали о судьбе 3600 человек. Такие работы помогают восстановить историческую справедливость, так как правда должна стоять выше всего», — рассказал Иламаз Мицишвили.

Омар Тушурашвили: «Многие документы архива МВД были уничтожены»

«Основная информация для составления базы данных была взята из фондов МВД», — сказал директор архива МВД Грузии Омар Тушурашвили.

«Работа над этим исследованием не была легкой. Документов были разрознены по разным фондам и в разных делах, многие документы архива МВД были уничтожены. Но несмотря на все это, мы вместе с «Институтом развития свободы информации» (IDFI) сумели создать базу данных. Впоследствии мы разыскали в разных источни-

Окончание на с. 5 >

На снимке: Сопроводительное письмо к списку 174 лиц, подлежащих суду с указанием о вынесении приговоров. Фото автора

В НОМЕРЕ:

О СЕРГЕЕ ЛАРЬКОВЕ с. 3

30 ОКТЯБРЯ В РЕГИОНАХ с. 4

О БУДУЩЕМ МЕМОРИАЛА с. 6

ВЫСТАВКА «NON LICET VOS ESSE. НЕ ДОЛЖНО ВАМ БЫТЬ» с. 7

БЕСЕДЫ С ГЕОРГИЕМ ШАМБОРАНТОМ с. 10

О ЛЖИ НТВ И ПРЕТЕНЗИЯХ МИНЮСТА

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВООЩИТНОГО ЦЕНТРА «МЕМОРИАЛ» И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

10 октября в передаче НТВ «Чрезвычайное происшествие» прошел сюжет, содержащий ложь злонамеренную и ложь безграмотную.

Злонамеренная ложь относилась к описанию деятельности Правозащитного центра «Мемориал», который якобы уличили в поддержке экстремистов и террористов. Безграмотная же ложь заключалась в утверждении, будто в связи с этим Министерство юстиции подало иск о ликвидации ПЦ «Мемориал».

В действительности, Министерство юстиции подало в Верховный суд РФ иск о ликвидации не Правозащитного центра «Мемориал», а другой организации — Российского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

Российское общество «Мемориал» было зарегистрировано Минюстом еще в 1992 г. и до сих пор объединяет различные «мемориальские» организации, действующие в разных регионах России и занимающиеся правозащитной, благотворительной и историко-просветительской работой.

Окончание на с. 3 >

В КОМИ ОТКРЫТ ПЕРВЫЙ МУЗЕЙ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ

В Инте 4 октября, в день празднования 60-летия основания города, открылся первый в республике музей, посвященный жертвам политических репрессий. Музей расположен в здании водонапорной башни, построенной в 50-е годы прошлого столетия заключенными Гулага. Об этом событии, а также об открытии памятного знака в Максаковке корреспондент «30 октября» поговорил с Михаилом Борисовичем Рогачевым, председателем правления Сыктывкарской общественной организации «Мемориал» (Республика Коми).

Музей в Инте

«Мы не принимали прямого участия в разработке концепции и подготовке музейной экспозиции. Это все делали город и Интинский историко-краеведческий музей, отдел городского музея», — рассказал Михаил Рогачев. — Но мы тесно сотрудничаем с этим музеем, поскольку нас объединяет общая тема: история политического террора. Город Инта возник из ла-

пункта Ухтпечлага и до 1950-х годов, пока отсюда не ушли Инталаг и Минеральный лагерь, история города — это история Гулага. Поэтому я полагаю вполне логичным, что нас пригласили на открытие музея».

Музей расположен в интинской достопримечательности — водонапорной башне. «Водонапорная башня — это символ города, она помещена даже на гербе Инты», — продолжает Михаил Борисович. — Это памятник промышленной архитек-

туры. Такой незаурядный памятник. Ее история — это история лагеря. Ее проектировали заключенные лагеря. Главный архитектор — швед Артур Густав Тамвелиус. Строили минлаговские заключенные. Поэтому решение разместить в ней музей совершенно естественно, поскольку башня ассоциируется у интинцев с началом города, с его строительством».

Окончание на с. 6 >

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На фасадах 15 домов в центре Москвы вскоре появятся первые мемориальные таблички с краткими сведениями о москвичах, репрессированных в советские годы. Инициатива получила название «Последний адрес». Памятные таблички установят по адресу последнего места жительства репрессированных — на фасадах тех домов, куда после ареста они уже не вернулись. Цель проекта — создать «распределенный памятник» по всей России.

«ОДНО ИМЯ, ОДНА ЖИЗНЬ, ОДИН ЗНАК»

XX век в мировой истории оказался веком масштабных репрессий и геноцидов. Большинство из них признано, отмечаются дни памяти. Однако масштабность этих репрессий приводит к тому, что их жертвы сливаются в памяти людской в один довольно безликий ряд. Для того, чтобы «приблизить» и очеловечить эту память, сделать ее индивидуальной, существует несколько проектов. В Германии это знаменитые «Камни преткновения», появившиеся более 20 лет назад и с тех пор распространившиеся уже в 650 городах 11 стран Европы. В рамках этого проекта, в память о жертвах Холокоста было установлено более 45 тысяч мемориальных знаков, вмурованных в мостовые.

В России таким проектом стал «Последний адрес», посвященный памяти жертв репрессий коммунистического режима. Он возник по предложению группы московских и санкт-петербургских историков, правозащитников, гражданских активистов, журналистов, литераторов, архитекторов и дизайнеров. Среди основателей проекта были журналисты Сергей Пархоменко, Григорий Ревзин и Елена Висенс, историки Никита Соколов, Ирина Карацуба, архитектор и дизайнер Евгений Асс, издатель Григорий Кулис. В дальнейшем инициаторами проекта совместно с «Мемориалом» был создан некоммерческий фонд увековечения памяти жертв политических репрессий «Последний адрес».

Основополагающий принцип этого проекта — «Одно имя, одна жизнь, один знак». Причем упор делается не на «ВИП-пострадавших» из числа государственных деятелей, военачальников, писателей и деятелей искусства, которые обыч-

но удостоиваются мемориальных досок и памятников, а на обычных людей. Для того чтобы выступить с инициативой установки памятного знака, не обязательно быть родственником репрессированного. Достаточно поинтересоваться — кто жил в этой квартире (или в соседних) в 1920–1950-х гг., и, если среди жильцов оказались репрессированные, отправить заявку на почту проекта.

В декабре 2013 г. была разработана архитектурно-дизайнерская модель мемориального знака. Знак, созданный дизайнером Александром Бродским, представляет собой пластину из оцинкованной стали размером 10 на 17 см, на которую наносится несколько строк «рубленным» шрифтом с сухими сведениями о жертве политических репрессий (имя, отчество, фамилия, профессия, если ее возможно установить, даты рождения, ареста, расстрела, реабилитации). На месте фотографии «красуется» дыра. Сергей Пархоменко говорил по этому поводу в интервью журналу «Афиша» в декабре 2013 г.: «Вот эта самая дырка символизирует потерю, пустоту — и в то же время делает эту табличку абсолютно узнаваемой».

Группы поддержки «Последнего адреса», помимо Москвы, возникли в 2013–2014 гг. в Санкт-Петербурге, Архангельске, Барнауле, Воронеже, Костроме, Ярославле, Кирове, Нижнем Новгороде, Перми, Петрозаводске, Таганроге, Твери, Якутске. В августе заработал сайт «Последнего адреса» — <http://www.poslednyadres.ru>

В конце октября проект поддержали фонд и президентский центр Бориса Ельцина. Основным источником сведений, используемым при поиске и сверке информации, указанной на мемориальных знаках, станет база данных

Общества «Мемориал», в которой из региональных Книг памяти собрана архивная информация о 2650 тысячах граждан СССР, подвергшихся политическим репрессиям.

Организаторы не обещают в короткий срок увековечить память всех жертв репрессий, но надеются, что нескольких тысяч или сотен табличек будет достаточно, чтобы привлечь внимание людей к фактам репрессий в советский период.

Как сообщил «30 октября» Сергей Пархоменко, установка первых знаков планируется в ноябре в Москве. Они будут посвящены жертвам Большого террора 1936–1938 гг.

Что касается финансирования проекта, то здесь организаторы возлагают свои надежды на краудфандинг — сбор добровольных пожертвований граждан, организовав кампанию сбора помощи на портале «Планета». Как отмечается на сайте проекта, стоимость каждого конкретного мемориального знака (она составит не более 4500 рублей) будет оплачена самим же инициатором его установки, и уже сейчас есть свыше 300 заявок. Сергей Пархоменко в интервью Газете.ру, которое руководство этого СМИ не стало размещать (в итоге оно появилось в блоге Пархоменко), в связи с этим заметил: «Дело не только в том, что есть один знак и на нем написано одно имя (никаких больших поминальных досок не будет). За каждой маленькой табличкой стоит живой человек. Он говорит: «Это моя инициатива, моя табличка, я называю это имя и этот адрес».

Как отмечается на сайте «Последний адрес», жертвования потребуются для оплаты организационных расходов (работа по наполнению и поддержанию

сайта, по проверке и уточнению имен, адресов и дат, согласование установки знаков с владельцами домов, ставших «последними адресами» репрессированных) и «инфраструктуры» проекта. При этом, по словам организаторов проекта, люди очень быстро откликнулись на их призыв — сумма, необходимая для работы проекта в течение полугодия (800 тысяч рублей), была собрана за 2 недели. К октябрю было собрано почти в два раза больше — 1,5 миллиона рублей, что стало яркой демонстрацией заинтересованности россиян в том, чтобы «Последний адрес» работал.

Что вызывает сожаление, так это реакция властей на проект. Здесь мы видим либо нежелание принимать какое-то решение, либо жестко отрицательную позицию. Так, несмотря на то, что глава департамента культуры Москвы Сергей Капков в декабре 2013 г. заявил: «Увековечение памяти о Большом терроре, мне кажется, очень важно именно не одним каким-нибудь уникальным памятником или какой-то одной стелой, а именно так, чтобы была широкая география по всей территории города. Очень важно, что это инициатива неравнодушных людей, и мы, департамент культуры, будем помогать развитию этого проекта», — правительство Москвы так и не сформулировало официальное отношение к «Последнему адресу», что достаточно сильно мешает инициаторам проекта в переговорах с владельцами домов, на фаса-

дах которых они хотят установить мемориальные знаки. Более агрессивно повела себя администрация Барнаула. На запрос о возможности установки памятных знаков в рамках проекта «Последний адрес» в начале августа пришел ответ, что подобная установка, мол, «приведет к нарушению архитектурного решения фасадов жилых и общественных зданий, в том числе и объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)», и потому невозможна. Активистам предлагалось увековечивать память жертв через музейные выставки, публикации в СМИ и проведение тематических уроков в школах.

Желающие прислать заявку на установку мемориального знака, задать вопросы о проекте или сообщить о своем желании присоединиться к его осуществлению могут написать на электронную почту poslednyadres@memo.ru. Проверить, нет ли вашего дома в списке домов, жильцы которых подверглись репрессиям, можно по адресу mos.memo.ru

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: эскиз мемориальной доски в России и «Камни преткновения», ставшие примерами для инициаторов проекта «Последний адрес». Фото Karin Richert и Axel Mauruszat из презентации «Последнего адреса»

Первый «Камень преткновения» был установлен в германском Кройцбурге в 1997 г. Сегодня только в Берлине таких камней около 5000. А всего в Европе их уже более 40 000: в мостовых почти 650 городов Германии, Австрии, Италии, Франции, Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Венгрии, Чехии, Польши, Украины...

О ЛЖИ НТВ И ПРЕТЕНЗИЯХ МИНЮСТА

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВОЗАЩИТНОГО ЦЕНТРА «МЕМОРИАЛ»
И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

➤ Окончание. Начало на с. 1

В 2012 г., спустя 20 лет после первой регистрации, у Минюста вдруг появились сомнения в общероссийском статусе «Мемориала» — при этом что в обществе по-прежнему входят практически те же самые региональные организации, а законодательство в этом вопросе нисколько не изменилось.

Изменилась позиция Минюста, который решил вновь насаждать «демократический централизм», вроде бы утративший актуальность после отмены руководящей роли КПСС. Сегодня Минюст заявляет, что структурными подразделениями «Российского Мемориала» могут считаться только те общественные объединения, у которых в названии есть слова «отделение Российского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

Мало того, требование закона о том, что общероссийский статус организации предполагает наличие ее структурных подразделений более чем в половине субъектов Федерации, Минюст теперь трактует как требование, чтобы эти подразделения непременно имели формальный статус региональных. С сегодняшней точки зрения чиновников, наличие в каком-либо регионе городских и районных отделений организации не является подтверждением ее деятельности на территории региона.

Претензии Минюста совершенно беспочвенны — не случайно в ответ на наше недоумение мы так и не смогли получить никаких ссылок на нормы закона. Нам представляется недопустимой сама ситуация, когда Минюст противозаконно пытается ограничивать конституционное право граждан на объединение. Именно поэтому Российское общество «Мемориал» еще в 2012 г. решило обратиться в суд.

Но ссылок на закон мы не получили и в ходе судебных разбирательств в 2013 г. при обжаловании требований Минюста в Замоскворецком районном и Московском городском судах, которые — вполне предсказуемо — встали на сторону Минюста.

Поэтому в ближайшее время Российский «Мемориал» направит жалобу в Конституционный суд. Что касается иска Минюста, то мы надеемся, что при его рассмотрении Верховный суд проявит большее уважение к закону и Конституции, чем низостоящие судебные инстанции.

10 октября 2014 г.

СОЛИДАРНОСТЬ С «МЕМОРИАЛОМ»

Против закрытия «Российского Мемориала» выступили глава президентского Совета по правам человека Михаил Федотов, уполномоченный по правам человека в РФ Элла Памфилова и многие другие. Генеральный секретарь Совета Европы Турбьерн Ягланд заявил, что Минюст не должен допустить закрытия Общества «Мемориал». «Оно является символом борьбы за права человека, защиты прав угнетенных и поддержки процесса демократизации в России», — сказал он. — Потеря «Мемориала», несомненно, станет потрясением для многих россиян и может повлечь за собой ухудшение имиджа Российской Федерации на международной арене».

Председатель Европарламента Мартин Шульц 22 октября направил письмо руководству России с просьбой не закрывать «Мемориал». Он, в частности, заявил, что неправительственная организация «Мемориал» сохраняет наследие Андрея Сахарова, в честь которо-

го названа премия Европарламента, передает РИА «Новости». На следующий день была принята резолюция Европарламента в защиту «Мемориала». В ней ЕП «призывает власти РФ прекратить все акты притеснения, в том числе на юридическом уровне, в отношении Общества «Мемориал», Центра по правам человека «Мемориал», их членов и всех правозащитников в Российской Федерации и гарантировать, что они смогут выполнять свою законную деятельность в любых обстоятельствах без вмешательства».

Глава Московской Хельсинкской группы (МХГ) Людмила Алексеева убеждена, что попытка закрытия Российской правозащитной организации «Мемориал», о чем ранее попросил Минюст, вызовет международный шок. Она уверена, что этого не произойдет. «Я нисколько не преувеличиваю, потому что «Мемориал» международно известен, «Мемориал» — заслуженно уважаемая во всем мире организация. Это будет международный шок, если у нас попробуют закрыть такую организацию», — цитирует Людмилу Алексееву РАПСИ.

«Мы призываем международное сообщество — неправительственные организации, государственных должностных лиц и отдельных граждан — выразить солидарность с «Мемориалом» и внимательно следить, чтобы ситуация развивалась в соответствии с верховенством закона и нормами международного права», — заявили рабочая группа «Историческая память и просвещение» и Координационный Совет Гражданского Форума ЕС-Россия.

21 октября Минюст России заявил, что может отозвать свой иск из Верховного суда с ходатайством о ликвидации «Мемориала». Условием отзыва названо устранение обществом всех выявленных нарушений. На конференции 20 ноября правозащитники рассмотрят претензии ведомства и внесут необходимые изменения в Устав, передает *hro.org*.

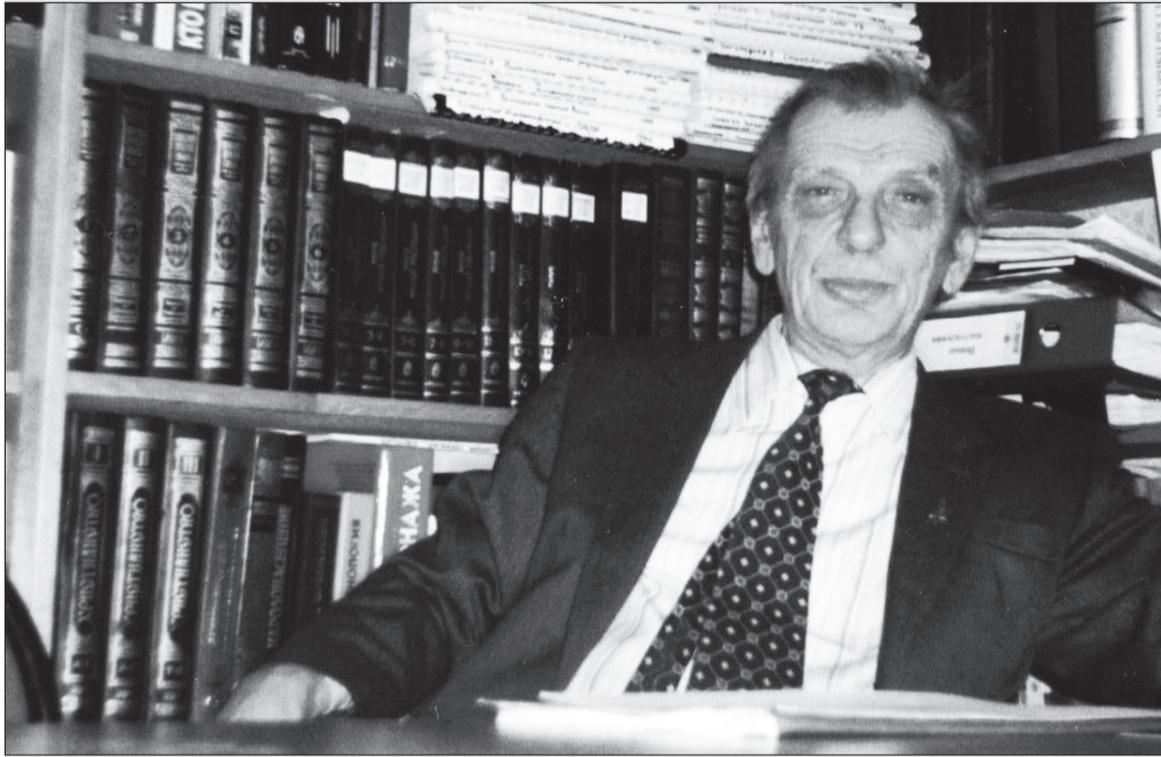
4 ноября более 30 польских НКО выступили с совместным обращением к Минюсту и Верховному суду, в котором говорится, в частности, что «Мемориал» не является собственностью государственных органов. «Его 27-летняя деятельность прочно закрепилась в современной истории демократической Европы как важная составляющая гражданского общества. В самых разных точках нашего континента активностью «Мемориала» измеряется уровень гражданской свободы в России. О таком ранге Общества свидетельствует, в частности, тот факт, что Польша выдвигала кандидатуру «Мемориала» на Нобелевскую Премию мира».

С письмом на имя министра юстиции РФ А.Ф. Коновалова выступила большая группа французских ученых и преподавателей. В письме подчеркивается значение работы «Мемориала» как «одной из важнейших интеллектуальных, духовных, эмоциональных нитей, которые связывают нас с Россией. Мы не можем представить себе Россию без «Мемориала» или с «Мемориалом», поставленным в невозможные для работы условия. Это привело бы к исчезновению целого фрагмента общечеловеческой культуры, нашей общей истории».

Современный мир полон источников напряженности, противоречий, насилия. В этих условиях такие организации, как «Мемориал», делают возможным диалог и поиск взаимопонимания. Они помогают сохранять надежду и взаимное доверие».

О СЕРГЕЕ ЛАРЬКОВЕ

В августе «Мемориал» простился с Сергеем Алексеевичем Ларьковым. «Сергей Алексеевич Ларьков был как невидимый мотор, без которого машина ехать не может. Для очень многих (тысяч!) людей по всему земному шару «Мемориалом» был именно Ларьков. Именно Сергей Алексеевич каждый день отвечал на множество писем людей, которые ищут хоть какие-то следы репрессированных родственников. Обладая огромной эрудицией и опытом, он из крайне сбивчивых сообщений, фантастических легенд и семейных слухов умел понять, что же могло произойти с человеком и где искать о нем информацию. Иногда переписка с родственниками длилась годами, а запросы приходилось направлять в десятки архивов, но Ларьков обладал неистощимым терпением», — написал Алексей Макаров в некрологе, полный текст которого доступен на сайте Мемориала. Для «30 октября» Сергей Алексеевич был одним из самых верных авторов, и газета попросила написать о нем его близкого друга и коллегу по университету Андрея Лукашова.

С Сергеем Ларьковым мне довелось познакомиться осенью 1962 г., а с 1963 г. и до конца его дней нас связала полувековая дружба.

Уже в студенческие годы — в контактах в университетском геоморфологическом кружке и в дальних экспедициях — проявились такие его черты, как надежность, пылливость, умение увлекаться и увлекать.

Наш студенческий кружок объединял ребят и девочек с разных курсов интересом к избранной науке о рельефе — геоморфологии. Кроме обычных для кружковской деятельности заседаний в стенах МГУ, мы часто выезжали на подмосковные станции по изучению эрозии, оползней и даже береговых явлений (на Пироговское водохранилище). Знакомились с геологией Подмоскovie по обнажениям горных пород и по карьерам, где добывались строительные материалы. Иногда Сергей брал на эти выезды жену и маленькую дочь Аню. А еще в зимние студенческие каникулы проводились дальние экспедиции. Двумя такими экспедициями — в Армению и на Черноморское побережье — Сергею довелось руководить уже по окончании вуза. Своей увлеченностью Сергей буквально заражал всех.

В 1963 г. по окончании первого курса Сергей впервые поехал в экспедицию в Забайкалье, где географы решали поисковые задачи вместе с геологами. Вплоть до начала 1990-х гг. поисковая тематика — особенно по россыпям золота — оставалась едва ли не основной «стезей» его профессиональной деятельности. Организаторские способности, несомненный талант полевого исследователя и самоотдача в работе быстро вывели его на ответственные должности начальника отряда, полевой партии, старшего геоморфолога Забайкальской, а позднее — Комплексной восточной экспедиции географического факультета МГУ. Собственно, таежным полевым отрядом близ границы Читинской и Амурской областей Сергей де-факто стал руководить уже после 4-го кур-

са в 1966 г. Он обследовал многие горы Забайкалья, работал в тайге и степях, далеко не всегда имея возможность связаться по радиисвязи с товарищами. Его уважали и ценили заказчики работ — геологи, а среди своих он всегда был авторитетом, любимцем и примером для подражания.

Он знал уйму песен и хорошо их пел у костров и в застолье — безо всякого гитарного сопровождения. Из его уст мне довелось узнать большую часть бардовского репертуара 1960-х гг. Да и вообще в экспедиционной среде он до конца оставался тем, что называется «душою общества».

В то же время не был Сергей чужд и учебным делам факультета. Больше всего это проявилось в руководстве производственными практиками студентов-старшекурсников. Однако и учебной практикой для студентов 1-го курса на Сатинском учебном полигоне в Калужской области ему довелось поруководить, и весьма успешно. Закономерно, что много лет спустя кафедра геоморфологии нашего факультета закончил и сын Сергея — Александр.

В экспедиционные годы проявилась и склонность Сергея к историческим, в том числе архивным, изысканиям. Он начал с уточнения биографии исследователя Восточной Сибири и Дальнего Востока поручика корпуса горных инженеров Усольцева, а вскоре обратился к судьбам декабристов, прежде всего — отбывавших каторгу и ссылку в Забайкалье. Декабристская тема увлекла Сергея всерьез: он проследил многие судьбы, побывал на большинстве сохранившихся мест пребывания и могил декабристов, собрал целый архив материалов по ним. Его доклады по декабристам в экспедиционных кругах неизменно вызывали интерес и восхищенные слушателей. Кое-что (жаль, что не многое) он позднее опубликовал, например, в журнале «Синтаксис».

В 1980-е гг. в тематику его исследований добавилась работа по шахтам и тоннелям — в рам-

ках нарождавшейся прикладной отрасли, глубинной инженерной геоморфологии. Решая задачи предотвращения горных ударов, ему выпало пройти десятки километров подземных маршрутов на рудниках Горной Шории (Алтай) и Хакасии, проанализировать перспективы строительства Архотского тоннеля на проектировавшейся Транскавказской железной дороге, выявить причины аварийного (в середине 1980-х гг.) состояния гидротоннеля Арпа-Севан в Армении. Работа на глубинах во многие сотни метров, порою в заброшенных и неventилированных, а то и полустопленных выработках, под потрескивавшими над головою еще не закрепленными сводами штреков и ортов требовала сил и энтузиазма, но стоила, увы, и здоровья.

Постепенно исторические изыскания на фоне обостренного чувства справедливости и стремления к восстановлению памяти о невинных жертвах режима увели Сергея от географии к работе в «Мемориале». Два издания выдержки его в соавторстве с Федором Романенко книга «Враги народа за полярным кругом». Она удостоена премии кафедры геоморфологии МГУ.

Мемориальская сторона его деятельности в целом известна читателям «30 октября», и не мне ее комментировать. Сергей помог мне узнать трагические подробности гибели моего деда Николая Лукашова — в лагере у станции Будукан (Еврейская автономная область) и арестно-тюремные мытарства моей бабушки Фани Лукашовой. Об их судьбах были в свое время материалы в «30 октября».

Добрую память о большом друге, хорошем географе, а главное — о настоящем человеке Сергее Алексеевиче Ларькове хотелось бы сохранить надолго, в том числе и на страницах любимой мною газеты.

Андрей ЛУКАШОВ

На снимке: Сергей Ларьков. Фото Александра Ларькова

О ПИСЬМАХ И ИСТОРИИ

23 октября в помещении «Международного Мемориала» в рамках социологического семинара Центра франко-российских исследований при поддержке Фонда Фридриха Науманна состоялся «Круглый стол», посвященный выходу книги «Письма об истории и для истории (1988–1990 годы)» под общей редакцией Михаила Рожанского. В книге собраны письма, поступавшие в газеты Иркутска, Читы и Улан-Удэ в 1988–1990 гг. от людей, откликнувшихся на появившиеся материалы о преступлениях сталинского (а потом — и вообще советского) режима своими воспоминаниями об исторических событиях, о репрессиях и т.д. Эти письма дали возможность представить массовый взгляд «снизу» на советскую историю.

Сам Михаил Рожанский рассказал, что создание книги стало частью проекта по спасению и открытию для мира огромной коллекции писем, собранных в конце 1980-х. «В 1988 г. в Иркутске появилась группа студентов, которых интересовал процесс изменения исторического сознания. В это время в городе проходил ряд дискуссий, посвященных советской истории. Мы участвовали в них и постепенно оказались союзниками жур-

разобраны. Дальнейшую их судьбу я не знаю», — заметил историк. Он подчеркнул, что вопрос о необходимости издания собранных писем стоял изначально, однако долгое время все ограничивалось попытками издать подборки писем, которые, по словам Михаила Рожанского, завершались на уровне обсуждений с редакторами. «Все это время архив хранился в Центре независимых социальных исследований и образования, где продол-

структурировать», — сказала она. «Благодаря стереоскопическому эффекту мы можем увидеть исторический момент — попытку советского человека стать гражданином истории, а также попытку превращения писем из сигналов в рычаг модернизации советских (российских) СМИ», — сказала она. Среди других тем, которые могут быть интересны исследователю, Эмилия Кустова выделила растабулирование запретных ранее тем при столкновении личной памяти с официальным нарративом.

Она также призвала переводить имеющиеся письма в электронную форму, чтобы сделать их более доступными. Михаил Рожанский на это заметил, что оцифровка писем должна идти параллельно с международным и междисциплинарным проектом по их изучению.

Член правления «Мемориала» Борис Беленкин также отметил, что авторы имели дело с колоссальным массивом документов, позволяющим делать всяческие репрезентативные выборки. «Я ждал выхода подобной книги, поскольку уже четверть века собираю для «Мемориала» коллекцию неформальных периодических изданий, выходящих в 1987–1989 гг. Здесь тоже речь идет о некоем заявлении о себе, о попытке соучастия в историческом процессе. Но самое главное здесь — попытка самовыразиться в условиях объявленных сверху реформ, в условиях, когда еще нельзя, но уже не сажают. Участие в этом неформальном издательско-распространительском процес-

ставления советского человека, — так называемых записках из зала, полученных видным историком и членом ЦК КПСС А.Панкратовой во время ее «турне» по Москве и Ленинграду в 1956 г. с целью популяризации решения XX съезда КПСС о десталинизации. «Мне кажется, какое-то родство этих двух источников — это тоже повод и тема для разговора и дискуссии. Потому что те темы, мотивы и настроения, которые обнаружили себя в записках, остались «замороженными» до 1987 г.», — заявил Борис Беленкин. Он рассказал о своем опыте работы с письмами, которые приходили в «Мемориал» в конце 1980-х гг., заметив, что среди авторов были две группы людей: те, кто пытался как-то «залечить» память об ужасах прошлого, используя в качестве щита свою образцовую советскую биографию (награды, почет и уважение и т.д.), и те, кто этого не делал (как, например, дети «кулаков» или репрессированных священников). «Кроме того, у авторов есть возможность с помощью такого источника, как письма об эпохе перестройки, ответить на вопросы, связанные с нашим настоящим, объяснить и понять то, к чему мы пришли», — заключил он.

Французская исследовательница Кароль Сигман отметила, что роль писем в перестроечный период достаточно значительна. «Были случаи, когда неформальные структуры создавались благодаря публикации писем», — подчеркнула она, заметив, что перед ней, как исследователем, стоит вопрос — была ли публикация писем в советских СМИ следствием приказа «сверху» или инициативой самих редакций, понявших, что обстановка в стране изменилась и стало «можно?»

Исполнительный директор «Международного Мемориала» Елена Жемкова заметила, что «Мемориал» начинался примерно с тех же действий, что и иркутская инициативная группа. «Мы договорились с редакциями нескольких газет и отбирали письма тех людей, кто искал через газеты контактов с «Мемориалом». Сейчас мы идем по пути оцифровки нашего архива, и будет замечательно, если эти архивы встретятся в Интернете», — сказала она. Что касается материалов, осевших в Народном архиве (среди которых, по ее словам, были не только письма, но также и личные материалы многих диссидентов), то, по сведениям Елены Жемковой, после ликвидации архива они были переданы в Российский государственный архив новейшей истории. Как дополнили из зала, сейчас эти материалы зашатабелеваны и в читальный зал не выдаются. «Похожая ситуация была с архивом Фонда взаимопонимания и примирения, созданного для помощи жертвам нацистов. Туда тоже пришло много писем от людей, готовых рассказать о своем прошлом. После ликвидации фонда его архив был передан в ГАРФ, но материалы остаются недоступными».

Ровно 40 лет назад, 30 октября 1974 г., академик Андрей Сахаров провел пресс-конференцию о положении заключенных в Советском Союзе. Тогда политические узники мордовских и пермских лагерей впервые устроили голодовку в знак протеста против своего положения. Каждый год, несмотря на угрозу карцера, они напоминали о своем человеческом достоинстве. В 1989 г., когда тысячи москвичей в этот день встали оцеплением вокруг здания КГБ, День политзаключенного в СССР стал Днем памяти всех жертв политических репрессий, являющихся символом сталинского тоталитаризма и всего XX века.

30 октября — День памяти и борьбы жертв политических репрессий — с 1991 г. установлен в России как общегосударственная памятная дата. Последние 8 лет по инициативе «Международного Мемориала» проходит акция поминовения «Возвращение имен» в форме чтения имен и возжигания свечей. «30 октября» собрала сообщения о некоторых из многочисленных акций в эти дни в публичных знаковых пространствах Москвы, Санкт-Петербурга и ряда других городов России.

АРХАНГЕЛЬСК

У подножья Соловецкого камня уже в 23-й раз собрались архангелогородцы, чтобы почтить память невинно осужденных, расстрелянных без суда и следствия, погибших в лагерях и ссылках — тех, чья судьба невольно оказалась связана с Архангельском и страшными северными лагерями.

Открыл траурный митинг председатель правления Архангельской региональной общественной организации помощи жертвам политических репрессий «Совесть» Павел Павлов.

БЛАГОВЕЩЕНСК

Мероприятие в честь Дня памяти жертв политических репрессий прошли возле памятного знака жертвам политических репрессий. Памятник в областном центре установили в прошлом году. Он был создан по эскизному проекту Е.П.Коваленко на средства городского бюджета, сообщили в пресс-службе администрации Благовещенска.

В мероприятии приняли участие представители общественных организаций, школьники и горожане.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Траурный митинг прошел в сквере Памяти, который был открыт в Великом Новгороде в 2009 г. после переноса с набережной Гзени памятного знака жертвам репрессий. По данным Книги памяти жертв политических репрессий, в 1936–1938 гг. жертвами политического террора стали 5482 жителя Новгорода. Места захоронения многих из них неизвестны.

ВЛАДИВОСТОК

Во Владивостоке состоялся митинг у Свечи памяти в недавно открытом сквере «Веры и надежды». Затем участники отправились к храму в честь иконы Пресвятой Богородицы на ул. Рязская, 10. Они возложили цветы к мемориальному камню жертвам политических репрессий и почтили память минутой молчания. На этом месте находился пересыльный лагерь для политических заключенных.

ВОРОНЕЖ

29 октября 2014 г. прошли торжественная церемония перезахоронения останков жертв репрессий, траурный митинг и панихида, возложение венков и цветов на Аллее Скорби в мемориальной зоне лесного массива Дубовка Железнодорожного района. 30 октября в Дубовке прошел траурный митинг.

Фрагменты писем

«Вы знаете, я окончил педагогический институт в 1974 году. Я историк. С 1985 года я начал заново изучать историю. Вдруг я понял, что очень многого я не знаю. Преподаватели, которые преподавали нам, они знали эти факты. Ведь среди них были профессора и доценты. Иногда сомневаюсь. Сколько было и сколько надо знать. Ваш вопрос. Каждый материал об истории нашей родины — это подарок. Надо говорить и писать. Я сторонник правды».

налистов иркутских газет. Они же столкнулись буквально с лавиной писем, причем не очень ясна была судьба этих писем, поскольку газеты в тот момент хранили письма не более полугода. Тут у нас сработал инстинкт историков — нужно спасать и оставлять хотя бы часть этих писем», — рассказал Рожанский, заметив, что отбирали только письма с историческими сюжетами, поскольку сохранить все было невозможно. Затем собирателям удалось расширить ареал работы, включив письма — туда вошли письма, поступавшие в газеты Улан-Удэ и Читы, а с осени 1989 г. — и в некоторые московские издания. В итоге в коллекцию вошли письма читателей в журналы «Родина», «Юность», «Наука и жизнь», газеты «Собеседник», «Московский комсомолец» и «Пионерская правда», иркутские газеты «Советская молодежь» и «Восточно-Сибирская правда», на иркутское ТВ, в журнал «Байкал», газету «Правда Бурятии», а также в газету «Забайкальский комсомолец» и созданный при активном участии редакции «Забайкальского комсомолец» Комитет Памяти (впоследствии Читинский «Мемориал»). «Наша работа продолжалась до начала 1990 г., когда со всеми этими изданиями заключил соглашения о передаче писем Народный архив», — отметил редактор книги. «Интересно, что Народный архив втянулся в эту тему с нашей подачи. Я разговаривал о нашей работе с Юрием Афанасьевым, и одной из первых задач архива стал сбор писем. К сожалению, они предпочли отказаться от нашей помощи, когда мы ее предлагали, гордо ответив, что должны работать профессионалы. В результате на начало 2000-х годов эти мешки писем не были

Фрагменты писем

«Вот, Уважаемая редакция прошу Вас пусть мое письмо пойдет по назначению, чтобы где-то было в истории упомянуто о наших отцах хотя они и были рядовые.

Я знаю что Вы очень занятые люди мне можете не отвечать, но я буду надеяться, что мои дети будут знать из истории кое-что о своем дедушке ведь я им сама ничего не могу толком объяснить так как я малограмотная женщина».

«Мне ли Вас учить, родные ребята! Ведь то, что Вы поднимаете, важно... но не пугаю я вас. Ведь нужно зачеркнуть все, что было. Нужно признать во весь голос, что 60 с лишним лет мы топтали все вместе по неосвященной дороге. Что на выборах в Верховный совет мы выбирали (все года) не то и не тех. Ведь Ваш журнал затронет не только культ личности Сталина И.В., но и всю структуру страны, во все времена.

Поверьте мне, бывшему рабочему, мне кажется, что журналу вряд ли вынести всю эту тяжесть».

«Не надо этими дурацкими статьями «пудрить мозги» нашему комсомольцу. Чему вы научите они и так ни во что не верят. Каждая статья должна быть правдой, а не фантазией, которую вы напели на КГБ. Мы еще есть свидетели того времени. И жили свободно — не ждали звонков, т.к. за собой ничего не замечали. Работали и учились. И люблю свою Родину, что тогда, что и сейчас, во время перестройки. Все, что проходило раньше и сейчас — это все закономерно».

жала работать часть группы. Но задача сделать архив общедоступным стояла всегда, и когда возникла такая возможность, мы сделали подобное издание», — заключил он.

Эмилия Кустова из Университета Страсбурга отметила, что в книге представлен очень разнообразный и богатый материал. «Он настолько богатый, что его сложно как-то

се было поступком не менее, а даже более решительным, чем письмо в редакцию», — отметил он. При этом Борис Беленкин подчеркнул, что так же, как и письма в редакции, «новый самиздат» 1987–1989 гг. остался «неизученным вглубь».

Он также напомнил о еще одном пласте источников, позволяющих понять исторические пред-

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Борис Беленкин,
Кароль Сигман и Михаил Рожанский
в «Мемориале».
Фото автора

В этом году в Дубовке захоронены останки 135 человек — жертв политических репрессий, которые были обнаружены поисковиками отряда «Дон» в последнее время.

ЕКАТЕРИНБУРГ

Жители Екатеринбурга в воскресенье 26 октября почтили память жертв политических репрессий.

Традиционный митинг состоялся на 12-м километре Московского тракта. Свердловчане посетили памятное место и почтили память более 20 тысяч человек, погибших в ходе репрессий.

К месту памяти своих родственников приехали сотни людей. С цветами стояли люди самых разных возрастов. Екатеринбургцы и гости столицы Урала делились своими воспоминаниями о родственниках, подвергшихся репрессиям и ставших жертвами тех лет.

На выставке «Жизнь и судьба» впервые представлены личные вещи репрессированных в Екатеринбурге. На стендах можно увидеть кожаные папки и портмоне, очки и пенсне, значки и даже перьевые ручки, принадлежавшие арестованным по обвинению в контрреволюционной деятельности. В экспозиции представлены протоколы допросов, анкеты, фотографии и письма репрессированных, а также воспоминания их родственников.

ИРКУТСК

Мероприятия, посвященные Дню памяти жертв политических репрессий, прошли в Иркутске в конце октября 2014 г.

25 октября иркутяне посетили мемориальное кладбище жертв массовых политических репрессий 1930–1940-х гг. в поселке Пивовариха. В честь Дня памяти в Иркутской областной филармонии прошел концерт, посвященный Дню памяти жертв репрессий. На него были приглашены иркутяне, имеющие статус реабилитированных или пострадавших от политических репрессий.

ЙОШКАР-ОЛА

На митинг в честь Дня памяти жертв политических репрессий собрались репрессированные и их родственники. Начался он с панихиды в память о тех, кто погиб от голода и болезней в сталинских лагерях.

На митинге выступили уполномоченный по правам человека в Республике Марий Эл Ирина Татарина и начальник управления образования Михаил Никитенко. Они говорили о своих дедах, ставших в 1930-е гг. «врагами народа».

Силами активистов на территории мемориального комплекса, торжественно открытого год назад, высажены голубые ели и саженьцы туи. Образованы две аллеи, ведущие к памятнику жертвам репрессий: аллея Богородицы, где будет находиться земля, привезенная со святых мест, и аллея Памяти в честь видных деятелей Марийского края, ставших жертвами сталинских репрессий.

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

Память жертв политических репрессий почтили в Комсомольске-на-Амуре с 28 по 30 октября. В драмтеатре прошел благотворительный спектакль, также были возложены цветы к памятному знаку.

В образовательных учреждениях города прошли тематические беседы «Годы Большого террора», «Невинно осужденные», уроки памяти «Невидимая война», «Творчество под запретом», литературные гостиные «Страшнее, чем война», а также видеолекции, литературно-музыкальные встречи, «круглые столы», документально-поэтические вечера.

30 октября состоялась церемония возложения цветов к памятному знаку жертвам политических репрессий. В этот же день в музеях города прошли дни открытых дверей и тематические экскурсии.

КОВРОВ

В Ковровском историко-мемориальном музее собрались те, чьи семьи коснулись политические репрессии. По данным музея, в Коврове и районе было репрессировано более 1000 человек. Сейчас в городе проживают около 370 жертв политических репрессий. Городской музей решил вернуться к изучению темы репрессий, призвав к участию учеников одной из школ города.

КУРСК

30 октября в Парке героев у памятного знака жертвам политических репрессий состоялось возложение венков, после чего в урочище Солянка, на месте массового расстрела в 1937–1938 гг., прошла панихида.

Как сообщает пресс-служба региональной администрации, по данным архива УФСБ по Курской области, в 1937–1938 гг. в урочище Солянка было расстреляно около 2 тысяч человек.

МОСКВА

«29 октября, в канун государственного Дня памяти жертв политических репрессий, с 10 утра до 10 вечера, сменяя друг друга, из года в год мы читаем у Соловецкого камня имена людей, расстрелянных в Москве в годы советского террора. Мы проводим акцию уже восьмой раз. Имена звучат 12 часов без остановки, но мы не дошли еще и до середины списка. За годы террора только в Москве были расстреляны более 40 тысяч человек. Имя, фамилия, возраст, профессия, дата расстрела — тысячи имен прозвучат в этот день над Лубянской площадью. Людей расстреливали тайно — мы делаем память о них публичной», — говорят инициаторы акции «Возвращение имен».

В тот же день в сквере у Соловецкого камня открылась выставка «Город как учебник истории», призванная помочь москвичам ощутить связь времен в своем родном городе, связь с теми совсем недавними поколениями, которые жили в этом городе 80 лет назад, поколениями наших предков. Судьбы этих людей вершились в конкретных домах, мимо многих из них москвичи ходят ежедневно.

НОРИЛЬСК

В Норильске прошла декада, посвященная Дню памяти жертв политических репрессий. В эти дни в школах и учреждениях образования были подготовлены тематические выставки и программы, прошли лекции и часы памяти. Сотрудники Музея истории освоения и развития Норильского промышленного района провели лекции и тематические экскурсии с посещением мемориального комплекса «Норильская Голгофа».

В кинокомплексе «Родина» прошли кинопросмотры для школьников, членов общественного Объединения защиты жертв политических репрессий и Норильского городского совета ветеранов войны и труда.

28 октября в музее состоялась торжественный вечер-презентация обновленной выставки «Пересмотр не подлежит» и сборника «Норильский мемориал», выпуск № 7–8 к 25-летию Норильского отделения Общества «Мемориал».

30 октября на «Норильской Голгофе» состоялась митинг, заупокойная лития и возложение цветов к памятникам. В этот же

Продолжение на с. 7

В ГРУЗИИ СОЗДАНА БАЗА ДАННЫХ

О ЖЕРТВАХ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

➤ Окончание. Начало на с. 1

как информацию о каждом человеке. Мы думали, что на работу нам понадобится примерно полтора года, но на деле оказалось, что нам понадобилось 3 года. Я считаю, что мы должны продолжить эту работу, она важна как для простых граждан, так и для академических кругов», — сказал Омар Тушурашвили.

«Проблема репрессированных жителей Грузии должна быть тщательно изучена», — отметил в ходе презентации спикер парламента Грузии Давид Усупашвили.

«По решению главы страны было убито огромное количество людей. Как в Грузии, так и на постсоветском пространстве все еще популярно мнение о том, что Сталин не знал о репрессиях, а ведь под расстрельными списками стоят его подписи. Мы должны тщательно изучить нашу историю для того, чтобы она больше не повторилась. Потому что, к сожалению, у истории есть свойство повторяться», — заявил политик.

«До сих пор потомкам репрессированных в Грузии не выданы достойные компенсации», — заметил во время презентации базы данных член парламентского большинства Грузии Леван Бердзенишвили.

«Наше общество в долгу перед этими жертвами. Я говорю это именно здесь и сейчас, в присутствии спикера парламента Грузии, потому что сейчас в закон о репрессиях вносятся изменения, которые фактически опять ничего не принесут. Грузия — фактически единственная страна бывшего СССР, где не выданы компенсации. А те, которые выдали, были смехотворными суммами. И сейчас Министерство юстиции вносит поправки в закон об определении размеров компенсации, по которым размеры компенсации колеблются от 1 до 2 тысяч лари, что недостаточно. Считаю, что это беспардонно — назначать такие суммы. Прежняя власть предлагала 200 лари, а эта вот побольше предлагает, но все же этого недостаточно. Опять-таки получается, что сегодняшнее поколение как бы подтверждает, что хорошо, что Сталин их уничтожил. Эти люди уже не оживут, но то, что мы делаем, мы делаем для самих себя, для нашего будущего. Потому что, как я вижу, Советский Союз еще живет в нас. Всегда, когда вопрос касается справедливости, денег на это нет», — говорит Бердзенишвили.

Проект «Сталинские списки из Грузии» был реализован «Институтом развития свободы информации» (IDFI) в 2011–2013 гг. при сотрудничестве с Министерством внутренних дел Грузии и Международным обществом «Мемориал». Финансовую поддержку оказали Южно-Кавказское региональное бюро Фонда имени Генриха Белля и посольство Швейцарии в Грузии. База содержит краткие биографии более чем 3600 человек — жертв Большого террора 1937–1938 гг.

Эдита БАДАСЯН,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Документы и фотографии из представленной базы данных о жертвах репрессий в Грузии. Фото автора

დავით და ქეთევან ბაგრატიონები
David and Ketevan Bagrationi

ЧАЛМАЗА — бывшего наркомзема Абхазии с такими же следами, но он тоже мне говорил, что ушибся на лестнице. Вскоре в нашу камеру поместили БАГРАТИОНИ Давида, о котором я показывал выше. В тот же день вечером его вызвали на допрос и он вернулся с допроса только на следующий день утром жестоко избитым, с «фонарями» под глазами, в окровавленной и в клочки разорванной рубашке, с глупыми синяками на лице и на теле. Он долго ничего не мог говорить, потом рассказал, что его допрашивали МИЧУРИН и ДОШОЯН и по назвал ли он фамилии этих лиц, но очень хорошо помню одну фамилию — АИВАЗОВА Ивана, силу кулаков которого пришлось испытать мне впоследствии. БАГРАТИОНИ были несколько дней подряд и предлагали ему подписать заранее составленный и отпечатанный протокол допроса. Через несколько дней он был доведен до такого состояния, что самостоятельно двигаться не мог, нижняя челюсть тела распухла — красноватый оттенок... Заживо этот человек перед нашими глазами разлагался и издавал плохой запах. Наконец, после очередного допроса БАГРАТИОНИ вернулись в камеру и сильно заплакал. Немного успокоившись сказал, что подписал протокол допроса, оговорил себя и многих людей. В этот же день ему принесли хороший ресторанный обед из трех блюд — а вечером мацони с белой булочкой. По этому поводу БАГРАТИОНИ говорил: «Эта цена моей крови».

С П Р А В К А.
Приговор о расстреле *Григория Савина*
Осужден: *Григорий Савин* произведен в исполнение в
г.р. *Владимир* 19 12 1937 г. Акт о выполнении
приговора в исполнение хранится в Особом архиве
1-го управления НКВД СССР том № *8* лист № *300*
НАЧ. 12 ОТД. 1 ШИШОВСКИЙ ИВАН
Капитан Государственной безопасности (Шевалев)

В реализации проектов помощь оказывают городские власти. Все делается, по словам Рогачева, достаточно быстро и качественно. «У нас в республике 184 памятника и памятных знака, посвященных жертвам политических репрессий», — говорит Михаил Борисович. — Почти все они появились благодаря участию районных и городских администраций».

Памятный знак в Максаковке

«В этом году в День Памяти и Скорби российских немцев мы впервые собирались не в Сыктывкаре, где расположен памятник всем жертвам политических репрессий, а в Максаковке», — рассказал Рогачев. Инициатива создания памятного знака полностью принадлежала национально-культурной автономии немцев Республики Коми. Ее поддержала администрация поселка, которая выделила место под памятный знак жертвам политических репрессий, помогла с его и открытием. Необходимые средства нашла национально-культурная автономия немцев Республики Коми. Выбор места для установки памятного знака вовсе не случаен. Максаковка — наполовину немецкий поселок. Рогачева вовсе не удивляет, что именно немцы установили памятный знак жертвам политических репрессий. «По моему мнению, из всех народов СССР российские немцы — самый репрессированный народ. Ведь на учет были поставлены почти все представители этой нации», — рассказал Михаил Борисович. —

в один из районов республики и там записывают рассказы местных немцев. Последние 6 лет Михаил Борисович является их научным руководителем и ездит вместе с ними. «Мы записываем каждый сезон по 30–40 рассказов», — рассказал Рогачев. — Все эти истории примерно одинаковые. Представляете, немцы до сих пор боятся называть свою национальность, а ведь прошло уже столько лет».

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Водонапорная башня, построенная заключенными Инталага и Минлага в 1953–1954 гг., в которой теперь разместились музей жертв репрессий. Фото из архива Интинского краеведческого музея

В КОМИ ОТКРЫТ ПЕРВЫЙ МУЗЕЙ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ

➤ Окончание. Начало на с. 1

Экспонаты музея — а это в основном фотоматериалы из истории Инты — полностью взяты из фондов краеведческого музея. «Сам музей довольно небольшой, — поясняет собеседник. — Его площадь не позволяет разворачивать большие экспозиции. Тем более сейчас экспозиции демонстрируются только на первом этаже водонапорной башни. Экспозиция есть и на втором этаже, но там нет пожарного выхода, поэтому пока посетителей туда не пускают».

Открытие музея вызвало у горожан очень большой интерес. «Музей — это не то место, куда ходят толпами, не считая, конечно, всемирно известных. Так вот, на открытии музея в Инте было около 500 человек. Я такого скопления людей в этом городе не видел никогда, — рассказывает Михаил Борисович. — На следующее утро мне нужно было захватить в музей по делам. Я не смог попасть в него сразу — выстроилась очередь человек из 50. Надо заметить, что на улице было совсем не жарко — около нуля градусов. Людей пускали в музей не больше, чем на 5 минут, чтобы дать возможность посмотреть экспозицию всем желающим. Это удивило меня больше всего».

Повышенный интерес интинцев к музею, по мнению Михаила Рогачева, не случаен. Для Инты тема Гулага — особенная. Для многих горожан эта тема личная — у многих с музеем связаны семейные истории. Кроме того, с каждым годом остается все меньше бывших заключенных интинских лагерей.

«На открытии музея был один из строителей башни, — вспоминает Михаил Борисович. — Бадалян его фамилия. Старенький, ходит на костылях, но еще очень бодрый. К слову сказать, он и был одним из инициаторов создания этого музея».

Интерес к этому музею будет долго, может быть, всегда, считает Рогачев. «В Коми почти все города вышли из лагерей. Из всех городов республики только два не имеют лагерного прошлого. Это история того места, где ты живешь, — отмечает собеседник. — Когда, к примеру, интинцу говоришь, что его окна выходят на канал, который прорыли женщины-зэки. Такое из памяти не выкинешь».

Планы

В прошлом году местный «Мемориал» совместно с интинцами создал путеводитель по Инте. В нем рассказывается и о водонапорной башне. В планах — реализация проекта энциклопедия «Гулага в Коми». «В этом проекте нашими партнерами являются практически все музеи Коми. В числе первых — интинский, — рассказал Михаил Борисович. — В энциклопедии будут статьи и о башне, и о музее. Мы хотим создать ее как отдельный том в рамках еще одного проекта — «Покаяние». А поскольку это издание финансируется в виде целевой субсидии республикой, то есть жесткие временные рамки: один год. То есть к концу следующего года мы обязаны отправить ее в печать».

У меня был один знакомый немец в Сыктывкаре, который был трижды репрессирован. У него было 3 справки о реабилитации».

История трижды репрессированного

Студент Эмиль Кохендерфер жил в 1930 г. вместе со своей семьей в Крыму, когда началось раскулачивание. Эмиля вместе с братом отчислили из университета как детей «кулаков». Ребята были вынуждены вернуться домой. Но там их никто не ждал — отец с матерью исчезли. Братьям удалось узнать, что маму увезли в Котлас. Они пешком добрались туда. В Котласе им сказали, что их маму отправили в Коми. Парни по Вычегде добрались до Коми. Маму свою они нашли, и их тут же поставили на учет как кулаков. В 1942 г. Эмиля посадили по 58-й статье. «Он рассказал мне, что очень обрадовался тому, что его посадили тогда, — вспоминает Михаил Борисович. — Увидев в моих глазах недоумение, он пояснил: «Ты знаешь, что в 1942 году нас уже забирали со спецпоселков в трудовую армию на лесоповал. А жрать было нечего. Я бы просто сдох».

Эмиля направили в совхоз НКВД. Будучи эзком, он дослужился до старшего агронома. После войны его досрочно освободили и снова поставили на учет как немца.

Поисковые экспедиции

Немецкая автономия уже 9 лет организует поисковые экспедиции. Студенты и школьники выезжают

Будущее «Мемориала»

13 ноября Верховный суд РФ рассмотрит иск Минюста о ликвидации Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». Как отразится решение ВС на деятельности общественной организации — об этом корреспондент газеты «30 октября» поговорил с Игорем Валентиновичем Сажиним, председателем Комиссии по защите прав человека «Мемориала» и Михаилом Борисовичем Рогачевым, председателем правления Сыктывкарской общественной организации «Мемориал».

Арсений Рогинский, председатель правления Международного «Мемориала», в интервью «Немецкой волне» (Deutsche Welle) 13 октября так прокомментировал иск Минюста: «Российское общество «Мемориал» изначально строилось снизу, то есть различные отделения, работающие в регионах, приняли коллективное решение о создании общероссийской организации. И до 2012 г. никаких вопросов к такой модели, которая, кстати, прописана в Уставе, не было. Почему спустя 20 лет после регистрации у минюста вдруг появились сомнения в общероссийском статусе «Мемориала», при том, что в общество по-прежнему входят практически те же самые региональные организации, а законодательство в этом вопросе несколько не изменилось, мне неведомо».

Далее Арсений Борисович заметил, что «претензии минюста совершенно беспочвенны, — не случайно в ответ на наше недоумение мы так и не смогли получить никаких ссылок на нормы закона. Однако в ходе аналогичных разбирательств, которые проходили в Замоскворецком районном суде и Мосгорсуде в 2013 г., суды вполне предсказуемо встали на сторону минюста. Это наводит на весьма печальные размышления, и прогноз получается не в нашу пользу. Тем не менее мы надеемся, что при рассмотрении иска Верховный суд проявит большее уважение к закону и конституции, чем нижестоящие судебные инстанции. Кроме того, в ближайшее время российский «Мемориал» направит жалобу в Конституционный суд».

Если разобраться, то этот иск грозит структуре «Мемориала» в целом, но никак не каждой отдельно входящей в эту структуру организации. Они вполне могут продолжить работать, как и сегодня, просто формально перестанут быть связаны с нами. Кроме, разве что, тех, которые зарегистрированы именно как отделения Российского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». Им, в случае принятия решения не в нашу пользу, придется перерегистрироваться в качестве отдельных организаций или местных отделений, но только уже не общероссийской, а межрегиональной организации, в которую, в свою очередь, превратится наш сегодняшний Российский «Мемориал».

Игорь Сажин: «Мы наблюдаем общую атаку на игроков, которые формируют общественное мнение»

Игорь Валентинович Сажин также считает, что если ВС РФ примет решение о закрытии «Мемориала», это не очень сильно отразится на работе структурных подразделений организации. «С моей точки зрения, это будет, скорее, пиаровский удар. Это видно невооруженным глазом. Никакого другого смысла нет», — уверен он.

Сажин сомневается, что суд примет решение о ликвидации «Мемориала», но даже если это произойдет, организация продолжит свою деятельность на местах, считает он. «Мемориал» — это огромная сеть, которая выстроена по горизонтали, где нет подчиненности. А раз так — как она может развалиться или рассыпаться? — недоумевает собеседник. — Сеть будет продолжать работать, так как больше всего работы идет на местах».

Положительное решение суда в отношении иска минюста вызовет, по мнению Сажина, неоднозначную реакцию общества. «Часть людей, которая упорно пытается искать шпионов, будет аплодировать. Люди, которые понимают, чем занимается «Мемориал», сделают выводы и скажут: «Полная чушь!» В данном случае государство повело себя по отношению к гражданскому обществу довольно неприлично, вот и все», — делится своей точкой зрения собеседник.

«Я не очень понимаю, как вообще можно закрыть общественную организацию, которая делает что-то на пользу обществу, — продолжает он. — Для меня попытки закрыть общественную организацию — абсолютно бессмысленная идея. Сиюминутное слабое действие. Бессилие. Мы наблюдаем общую атаку на игроков, которые формируют общественное мнение. Цель — снижение и обрушение авторитета, чтобы уменьшить действие игрока на поле публичного влияния».

Михаил Рогачев: Даже если суд примет решение о закрытии «Мемориала», организация не перестанет существовать

В отличие от Арсения Рогинского и Игоря Сажина, Рогачев считает, что принятое решение о закрытии «Мемориала» существенно отразится на его дальнейшей деятельности. «Местным организациям придется переделывать уставы, документы — это здорово затормозит работу, — отмечает собеседник. — Бумажная работа — это ужас. Кроме того, это еще и деньги. А лишних денег ни у кого нет».

С точки зрения Рогачева, «Российский Мемориал» ликвидировать никак нельзя. «По крайней мере, добровольно мы ликвидироваться не будем, — утверждает Михаил Борисович. — Если все же «Мемориал» закроют, это повлияет и на имидж государства».

По его мнению, «кто-то сверху» отдал приказ о ликвидации «Мемориала». «Общая обстановка такова — сокращение деятельности общественных организаций, которые шагают не в ногу. Постепенное наращивание давления имеет определенную цель: сократить до минимума поле, на котором действуют те, кто имеет наглость говорить что-то «не то». Государство взяло курс на свертывание свободы мнений — это тревожный сигнал», — считает Михаил Борисович.

ВЫСТАВКА

«NON LICET VOS ESSE. НЕ ДОЛЖНО ВАМ БЫТЬ»

В Волгограде 30 октября в здании Царицынского православного университета преподобного Сергия Радонежского открылась выставка «Non licet vos esse. Не должно вам быть». Выставка приурочена ко Дню памяти жертв политических репрессий.

«В названии выставки — слова приговора, которым римские императоры лишали первых христиан права на существование. Этим же принципом руководствовалась советская власть в своих гонениях на церковь, последовательно нараставших начиная с 1917 года», — рассказал пресс-секретарь Волгоградской епархии Сергей Иванов (С.И.).

С.И.: Выставка посвящена одной из самых драматичных страниц в истории этих гонений — изъятию церковных ценностей. Кампания по изъятию, предлогом для которой стал голод в Поволжье, на деле обернулась внешним и внутренним разорением церкви. Советская власть не только стремилась подорвать имущественное положение церкви и скомпрометировать ее в глазах народа, но и покушалась на основания церковного бытия: уничтожались самые верные и горячие христиане, осквернялись святыни, сеялись и взращивались ростки раскола. На выставке представлены редкие документы, газеты и фотографии 1920-х годов, личные вещи, принадлежавшие исповедникам и новомученикам российским.

30 октября: Выставка призвана развенчать мифы?

С.И.: Да, в сознании нашего народа до сих пор бытуют распространявшиеся советской властью мифы о событиях 1922 года.

30 октября: Какие, например?

С.И.: Почти в каждом городе можно услышать легенду о подземном ходе, через который «церковники уносили свои сокровища». Люди уверены, что церковь не желала помогать голодающим и поэтому властям, озабоченным судьбой умирающих, пришлось забирать ценности силой ради «спасения людей».

30 октября: А как было на самом деле?

С.И.: В действительности дело обстояло совсем иначе. Православные люди по призыву патриарха Тихона активно помогали нуждающимся: жертвовали деньги

и драгоценности, собирали одежду и еду, работали в епархиальных комиссиях и Всецерковном комитете помощи голодающим. Жертвенная помощь поднимала престиж церкви в глазах народа, но такой поворот дела был совсем не нужен советской власти.

30 октября: А чего хотели большевики?

С.И.: Большевики хотели «большого скандала» и «большой крови». Комиссии по изъятию ценностей действовали провокационно: мужчины входили в алтарь в шапках, с оружием, вставали на престол, курили, выражались нецензурно или были пьяны. Своими действиями власти нарушали принятый в 1918 году декрет об отделении церкви от государства, вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь.

30 октября: Как воспринимались действия протестующих?

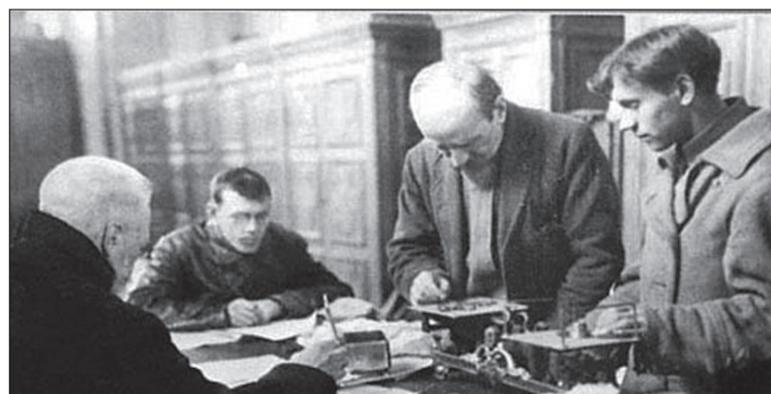
С.И.: Любое слово протеста воспринималось как контрреволюционная агитация. Росли списки осужденных и расстрелянных, а газеты захлебывались в антицерковной истерии.

«Выставка посвящена первой ширококомасштабной репрессивной кампании в отношении церкви, которую большевики оправдывали голодом начала 1920-х годов, прокатившимся по всей стране, — рассказала руководитель авторского коллектива выставки, музейно-выставочного отдела культурно-просветительского фонда «Преображение», преподаватель Свято-Филаретовского института Светлана Чукавина. — Мы делаем выставку к 90-летию этой кампании. Считаем, что это много важно, потому что церковь очень помогала голодающим, организовывала им помощь, собирала продовольствие. Клевета — всегда неправда распространявшаяся советской властью утверждения, будто церковники не хотели давать ничего для спасения своего народа и были заинтересованы только сами в себе, — чистая неправда. Хотелось бы дать людям информацию, что все это не так.

Поэтому мы сделали стенды с фотографиями с довольно большим историческим комментарием. На нашей выставке описана кампания по изъятию в Шуе — первом городе, где были пострадавшие. Мы также рассказываем о том, как это проходило в Москве, в Петербурге, даем статистику по городам. Где-то эта кампания проходила с большим возмущением народа, который отстаивал свои храмы. Народ все это принял как покушение на свою веру, в 1920-х годах христианская традиция совсем не была забыта нашим народом. Другое дело, что народ был очень запуган, потому что во время этой кампании на безоружный народ шли организованные отряды внутренних войск с оружием. После этой кампании не было широкой волны протеста среди церковных людей. Эти репрессии были продолжены дальнейшими репрессиями 1920–1930-х годов, которые были против всех слоев, но и церковных людей тоже».

На выставке будут подлинные предметы, связанные с жизнью церкви 1920-х годов, рассказала Светлана Чукавина. «У нас есть хороший фильм-кинохроника о разрушении храмов и церковных ценностей. Эти моменты снимались самой властью с торжеством, а сейчас это обличающий документ», — отметила автор выставки.

Руководитель комиссии по канонизации новомучеников и исповедников российских Волгоградской епархии иеромонах Климент рассказал, что выставка разделена на 2 части, которые будут находиться на разных этажах. Первая часть экспонатов рассказывает о репрессиях в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург и другие, вторая посвящена Волгоградской области. «Будут показаны экспонаты, документы, связанные с Волгоградской епархией, историей Свято-Духова монастыря, самого Царицынского православного университета, а также материалы по репрессиям, касающиеся Волгоградской области, — рассказал иеромонах Климент.

— В галерее фоторамок можно будет увидеть изображения храмов Царицына. Там есть дореволюционные и современные фотографии храмов. К примеру, есть изображения Иоанно-Предтеченского, Казанского и других храмов. В Волгоградской области репрессии были как и по всей России. Специфика в том, что у нас было голодающее Поволжье. Где-то храмы добровольно жертвовали на помощь голодающим, сопротивлялись передаче церковных ценностей. Прихода изымать их, в храмы входили люди в головных уборах, с сигаретами. Были случаи, когда в таком виде входили в алтарь и чуть ли не опрокидывали престол. Там особо не церемонились. Есть воспоминания священника, который описывает, как дерзко и нагло вела себя комиссия по изъятию церковных ценностей».

Выставка ставит просветительские, миссионерские задачи. «Тема репрессий — специфическая, — считает священник. — Молодое поколение об этом мало задумывает-

ся. Старшее поколение знает о репрессиях хорошо. Нужно, чтобы эта история не забывалась людьми. Потому что, когда мы забываем историю, она может заново повториться».

В 2012–2013 годах выставка экспонировалась в храме Христа Спасителя и Государственном Центральном музее современной истории России в Москве, в музее Свято-Троицкой Александро-Невской лавры в Петербурге, в Благовещенском кафедральном соборе Воронежа, в Туле, Рязани и других городах. В Волгограде выставка будет работать до 11 декабря.

Татьяна ФИЛИМОНОВА
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: фрагменты экспозиции: газета «Известия» (1922 г.) с сообщениями об изъятии церковных ценностей; комиссия по описанию церковных ценностей в храме Христа Спасителя. 1922 г.
Фото автора

➤ Продолжение. Начало на с. 4

день в Талнахском филиале музея истории ННР состоялся музыкальный вечер, подготовленный совместно с Талнахской детской школой искусств. 31 октября в Кайерканском выставочном зале открылась выставка «Я родился под счастливой звездой». Она создана на основе дневниковых записей и фотоархива семьи Василия Павловича Кузнецова, бывшего заключенного Норильлага 1947–1956 гг.

ПЕНЗА

30 октября состоялся митинг у памятника «Покаяние» на улице Московской — центральной улице города. После митинга Пензенский «Мемориал» организовал акцию «Возвращение имен», на которой каждый желающий смог назвать имена расстрелянных, арестованных или депортированных пензенцев.

В храмах отслужили панихиды, а в школах области в этот

день прошли встречи с жертвами политических репрессий, уроки Памяти.

ПЕРМЬ

Всероссийская акция «Возвращение имен» состоялась в столице Прикамья на Соборной площади в воскресенье 26 октября.

Организаторами выступили музей «Пермь-36» и Пермское отделение Общества «Мемориал».

Сменяя друг друга, жители города выходили к микрофону, где в алфавитном порядке зачитывали имена погибших, а также их год рождения и дату смерти. Многие участники называли также имена своих репрессированных родственников.

В рамках обработки архивов «Мемориалом» было установлено, что за годы Большого террора было расстреляно 7474 человека. «Хочу отметить: озвученная мной страшная цифра действительно не окончательная. Ведь сам процесс юридической реабилитации жертв поли-

тических репрессий еще продолжается», — сказал председатель Пермского краевого отделения Международного общества «Мемориал» Роберт Латыпов.

30 октября у памятника жертвам политических репрессий на Егошихинском кладбище прошёл митинг памяти, сообщили его организаторы — Пермское краевое отделение Общества «Мемориал» и Молодежный «Мемориал». Основную часть участников составляли члены Общества «Мемориал», бывшие репрессированные и их родственники. Приняли участие представители краевой и городской власти, общественности, журналисты, преподаватели и студенты, также волонтеры Молодежного «Мемориала».

В этом году в митинге приняли участие гости из Москвы — уполномоченный по правам человека в России Владимир Лукин и глава Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Михаил Федотов.

Интересно, что спустя час после акции «Возвращение имен» на Соборной площади началось другое мероприятие, которое организовал Ленинский коммунистический союз молодежи. Коммунисты обозначили свою акцию действием «против подрывной деятельности общественной организации «Мемориал» и других пособников США на территории РФ». Они также обвинили родственников репрессированных в том, что те «наживают политический капитал на памяти погибших». Участники пикета развернули транспарант с надписью «День врага народа», а также воткнули в снег два красных флага.

30 октября на сцене Пермского театра оперы и балета прозвучала опера Мечислава (Моисея) Вайнберга «Пассажирка», посвященная памяти жертв Холокоста, в концертном исполнении оперного хора, камерного хора и оркестра musicAeterna под управлением Теодора Курентзиса.

ПСКОВ

29 октября в Пскове у памятника княгине Ольге в Детском парке на Октябрьской площади и 30 октября у Закладного камня в сквере у Мирносоцкого кладбища Псковский «Мемориал» и Псковская группа Свято-Троицкого малого православного братства провели акцию «Возвращение имен», была отслужена заупокойная лития, состоялась траурный митинг и возложение цветов.

«30 октября — день особой памяти о миллионах наших сограждан, невинно погибших в годы советского террора. Это день и особенно размышления о той катастрофе, которая произошла в России в XX веке, о ее последствиях и возможностях преодоления. Именно в этот день в 1974 году узники мордовских и пермских политических лагерей объявили массовую голодовку, протестуя против политических репрессий в Советском Союзе. Официальный

Продолжение на с. 8 ➤

РЕГИОНЫ

На страницах «30 октября» мы публикуем воспоминания многолетнего сопредседателя Братского общества «Мемориал» Нины Васильевны Янковской о Викторе Сербском.

Одним из поводов для публикации стала вышедшая в этом году в Братске в издательстве «Полиграф» книга «Из зарослей судьбы», посвященная Виктору Сербскому — инженеру, поэту, библиофилу, Почетному гражданину города Братска, одному из основателей Братского городского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал».

Под одной обложкой собраны документальная повесть Сергея Маслакова и воспоминания о Викторе Соломоновиче, написанные коллегами, друзьями, читателями его уникальной библиотеки. Пусть каждый из авторов рассказывает только о «своем» Викторе Сербском, раскрывая историю знакомства или необычных встреч, в итоге мы знакомимся с судьбой бывшего детдомовца, родителей которого расстреляли в Магадане в 1937 году, узнаем о Марии Кирий, с которой он прожил более полувека, о многолетних поисках родственников родителей и, конечно, о создании самой большой частной библиотеки российской поэзии.

Название книги перекликается с названием сборника стихов и эссе самого Виктора Сербского. «Заросли судьбы», впервые изданные в 2003 году (к семидесятилетию автора), переиздавались еще дважды, а в книгу посвящение вошло лишь несколько стихотворений и зарисовок. Сборник воспоминаний проиллюстрирован семейными фотографиями, а также автографами Булата Окуджавы, Евгения Евтушенко, Валентина Распутина, Анатолия Жигулина и других писателей, «отметившихся» в библиотеке Виктора Сербского.

рез дорогу от моего дома на улице Кирова.

Виктор Соломонович, всегда старавшийся узнать как можно больше о своих родителях, именно в это время получил важные документы об отце, маме и даже о себе, находившемся тогда в лагере на Колыме вместе с родителями. Обычно, получив очередной страшный документ, заходил ко мне, и мы вместе, стиснув зубы, переживали. В тот день, когда мне прислали из архива КГБ фотографии моего отца, Василия Львовича Далматова, Виктор Соломонович приехал с дочкой Катей. Со слезами на глазах они смотрели на фотографию.

На ней — мой хороший, умный, добрый папа... На этом фото видно было, что человек избит, даже покатечен: разбит глаз, порвано ухо, кровоподтеки и шишка на лице от побоев. Сначала избил, потом уже сфотографировали. Его арестовали в 1937 году, расстреляли в 36 лет,

полученные из архива КГБ, и еще несколько снимков из его детства, сохранившихся у родственников мамы, но они ему так дороги, что боится выпустить из рук, вдруг потеряются. Я убедила его, что у фотографа Альфонсаса Унискаускаса все будет в сохранности и работа будет на высшем уровне. Как-то они пришли ко мне вместе, и Виктор Соломонович отдал фотографии с просьбой увеличить их. Вскоре Унискаускас принес увеличенные фотографии и два портрета в деревянных рамках — мамы и отца. Никаких денег он не взял за работу и материалы. Сказал, что это подарок Виктору Соломоновичу за такое трепетное отношение к родителям и в память о них. Повесив портреты дома на стене, Сербский каждый раз разговаривал с ними мысленно. Тогда сама собой возникла мысль написать книгу «Беседы с портретами родителей». Так это началось. Получилась значительная

➤ Продолжение. Начало на с. 4

статус Дня памяти этой дате был присвоен специальным постановлением Верховного совета РСФСР от 18 октября 1991 года», — рассказали собравшимся представители «Мемориала».

РЯЗАНЬ

В воскресенье 26 октября, в преддверии Дня памяти жертв политических репрессий, состоялась пешеходная экскурсия «По местам Красного террора в Рязани», говорится в пресс-релизе Рязанского «Мемориала». Экскурсию провел доктор исторических наук, профессор Юрий Гераскин. В качестве соведущего прогулки выступил автор-составитель путеводителя «Политические репрессии в Рязани» Андрей Блинушов.

Экскурсия прошла по историческому центру города: от здания губернского ревтрибунала на улице Соборной до территории Казанского монастыря у площади Свободы, где в годы Гражданской войны большевиками был создан один из первых в России концлагерь принудительных работ.

После этого у поклонного креста монастыря в рамках ежегодной акции памяти «Возвращение имен» рязанцы начали чтение биографических справок жертв террора.

Акцию продолжили в День памяти жертв политических репрессий 30 октября в нескольких точках города — у знака репрессированным рязанцам на кладбище лагеря НКВД 178–454 на улице Магистральной, у места захоронения расстрелянных в 1937–1938 гг. политзаключенных на Старообрядческом проезде, а также на Лазаревском кладбище в центре Рязани.

РЫБИНСК

30 октября 2014 г. в Рыбинске в микрорайоне Переборы в рамках мероприятий, посвященных Дню памяти жертв политических репрессий, состоялись митинг и возложение цветов к закладному камню жертвам Волголага. В митинге участвовали реабилитированные граждане, рыбинцы, пострадавшие от политических репрессий, и их родственники.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В течение 8 часов в четверг 30 октября в Петербурге вспоминали имена тех, кто погиб в результате политических репрессий.

На Троицкой площади у Соловецкого камня состоялись митинг и возложение цветов. Траурная церемония при участии общественных организаций и землячеств, представителей городских властей и дипломатического корпуса прошла на мемориальном кладбище «Левашовская пустошь». Была отслужена панихида на Ржевском полигоне, где также произошли захоронения расстрелянных.

Ежегодно на протяжении уже более 20 лет в конце октября в России помнят жертв политических репрессий. В Петербурге эта традиция зародилась еще в 1989 г., когда Левашовское кладбище, известное также под названием «Левашовская пустошь», получило статус мемориала и было открыто для посетителей (до этого момента крупнейшее расстрельное кладбище являлось секретным объектом КГБ). Считается, что здесь захоронено около 50 тысяч человек, однако известны имена менее 20 тысяч из них.

По мнению уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге Александра Шишлова, главный урок заключается в том, что эта трагедия стала возможной, потому что руководством на-

➤ Продолжение на с. 9

ИЗ ЗАРОСЛЕЙ СУДЬБЫ

«...И ЖИТЬ ДОЛГО»

О Братске я узнала в шестидесятих годах, прочитав поэму Евгения Евтушенко «Братская ГЭС». В 1974 году в Братск приехала семья сына. Его жена, окончившая Ленинградский институт целлюлозно-бумажной промышленности, и сын, окончивший в Омске Сибирский автодорожный институт, работали на БЛПК. Я бывала у них в гостях. Совсем же обожалась здесь после смерти мужа. Очень горевала. Долго никуда не выходила.

Однажды жена сына Ирина предложила мне сходить на интересную (так она сказала) встречу с поэтом Виктором Сербским. Вечер состоялся 22 января 1989 года в литературной гостиной дворца культуры «Металлург» (теперь Братск-АРТ).

Тогда я впервые увидела Виктора Соломоновича Сербского, узнала о его трагической судьбе, о расстреле его родителей и о том, что он работал в Норильске. Я рассказала, что у меня расстрелян отец, что я жила в Норильске. В конце вечера мы обменялись адресами (у меня тогда не было телефона).

НАЧАЛО

Через неделю Виктор Соломонович пригласил меня в горком комсомола на встречу, ставшую началом создания в Братске Общества «Мемориал». С той встречи моя жизнь изменилась. Я полностью погрузилась на долгие годы в эту работу, которая была очень близка из-за судьбы моего отца. Полностью встреча называлась так: «Встреча журналистов города с бывшим начальником «Озерлага» полковником в отставке С.К.Евстигнеевым, работником политотдела «Озерлага» Н.И.Терещенко и бывшим узником колымского лагеря М.С.Ротфортом».

Евстигнеев сразу начал с того, что «стало модно писать о лагерях несусветную чушь». «Лагерь — это перевоспитание через труд», — говорил он. Порядок и питание соответствовали нормам, и не мог человек работать на лесоповале, если его плохо кормили. Да и еще многое в этом роде. Он особо отметил, что в повести «Черные камни» «Жигулин все врет». Он несколько раз так и сказал: «Все врет». Это касалось и производственного процесса, и быта, и личных отношений. В защиту выступил В.С.Сербский, который встречался с Жигулиным после того, как повесть прошла проверку перед изданием. Михаил Семенович Ротфорт не выдержал и очень аргументированно осадил бравого полковника в отставке. Он при-

мо заявил, что все, что в повести о Колыме, — чистая правда и что не было того благополучия в лагерях, в котором уверял присутствующих С.К.Евстигнеев. Помню, он даже так сказал: «Хорошо, когда во сне мама приснится, а то все время снится хлеб». После его выступления стало ясно, что Общество «Мемориал» в Братске возглавит М.С.Ротфорт, а мы станем ему помогать.

Еще в феврале создали инициативную группу из 15 человек. Сразу «пошли в народ», как говорил М.С.Ротфорт. Много выступали в школах, общежитиях, перед сеансами в кинотеатрах, на разных мероприятиях. Находили репрессированных. К нам обращались их дети, вдовы. Делали запросы по реабилитации, записывали воспоминания. Дважды в месяц в ДК «Металлург» проводили встречи с братчанами. Виктор Соломонович тогда еще работал на заводе, но активно выступал в разных аудиториях и готовил к изданию свою первую книгу «Зачет». 5 сентября 1989 года книга была издана, и стоило ее показать в Москве. На заседании Совета было решено в Москву откомандировать В.С.Сербского и меня.

ЛИЧНЫЕ ИСТОРИИ

В начале 1989 года вышел ряд постановлений «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв террора». Тогда начали понемногу открываться архивы КГБ, бывшего НКВД, теперь ФСБ. В Братске такое учреждение расположено че-

а у него было трое детей от 2 до 10 лет. Наверняка родители перед смертью в первую очередь думали о нас — своих детях. Теперь вот мы вспоминаем о них, о том времени. Становится страшно.

Какую же боль пришлось ощутить, когда Виктор Соломонович принес акты о расстреле своей мамы Евгении Тиграновны Захарьян 1901 г.р. и отца Соломона Наумовича Сербского 1907 г.р. Приговор приведен в исполнение 13 октября 1937 года. А ребенок — четырехлетний Витя остается один. Даже после реабилитации «расстрел» в свидетельствах о смерти не писали. Причина смерти по указанию сверху была придумана. Так, Е.Т.Захарьян умерла от крупозной пневмонии 10 января 1942 года. Дату расстрела рекомендовалось не писать, ставить любую в пределах 10 лет, желательно на годы войны. Вот и Евгения Тиграновна умерла в 41 год по ложному государственному документу, а не в 36 лет была расстреляна в 1937 году. Почти все родственники расстрелянных имеют по крайней мере по два свидетельства о смерти. Первое ложное, выданное государственным ЗАГСом в 1950-е — 1960-е гг., второе, где «расстрел» и правильная дата смерти. Но даже в новом, выданном в 1989 году свидетельстве о смерти Евгении Тиграновны Захарьян, где причина смерти «расстрел» и дата смерти 13 октября 1937 года, возраст, в котором она умерла, стоит 41 год, а не 36. Она же родилась в 1901 году.

Однажды Сербский сказал, что хотел бы увеличить маленькие (с документов) фотографии родите-

по содержанию, искренняя книга, хоть и маленькая по размеру, но вместившая очень много того, что нельзя забыть. Боль нашей эпохи. И скольким еще, кроме меня, Виктор Сербский мог бы написать автограф: «По общности судеб».

За годы работы в «Мемориале» мы смогли помочь многим людям найти настоящие документы, получить реабилитацию и хоть небольшие льготы, а также опубликовать воспоминания, стихи и просто подобрать добрым словом. И, главное, сохранить память о том времени, о людях, живших в нем.

Сербский любил автографы и всегда ставил их на своих книгах, отдельных стихах, написанных им или о нем. «В музей Янковской, помню и такой, но чаще «По общности судеб», «На память о Норильске и Братске». На книгах других авторов ничего не писал, на дни рождения общую с Марией Петровной открытку с поздравлением вкладывал в книгу. Вот передо мной сейчас такая, вложенная в книгу Шаламова «Левый берег». Датирована 13 декабря 1989 года. Дарил много стихов разных поэтов, которых я любила и тех, которых не знала. Теперь же очень люблю. Например, Юрия Левитанского.

В автографе на книге «Заросли судьбы» Сербский желает мне здоровья и жить долго-долго. Вот я и живу. Даже написала эти записки.

На снимке: Виктор Сербский и Нина Янковская в библиотеке. Фото Александра Миронова

НАРЫМСКИЙ СКВЕР

30 октября 2012 г. мои добрые знакомые пригласили поучаствовать в возложении венка к огромной каменной глыбе, вырезанной из стены штрафного изолятора одного из ГУЛАГовских лагерей и установленной почти в самом центре Новосибирска.

И вот достаточно прохладным октябрьским утром шагаю по улице с весьма символическим названием Нарымская к месту возложения венка в память политических репрессированных и размышляю о неразрывности времени, уводящего к печальным потугам вытесывания каменного социализма из живого человеческого материала. Слава богу, репрессии не коснулись моих родных ни по отцовской, ни по материнской линии. Но отец, раненный при обороне родной Одессы, до самой смерти не мог забыть ужаса ночного обсыка начала 1930-х годов, когда «братишки» четырехгранными штыками трехлинейек прокалывали подушки, выбрасывали с полок нехитрые пожитки и книги и ходили по всему брошенному на пол сапогами — у голытьбы отбирали золото, необходимое для построения счастья для самой же голытьбы.

Правда, к их чести следует сказать, что «братишки» не забрали

ни золотой гимназической медали моей бабушки, ни серебряных солдатских крестов деда — заслуженные награды тогда еще ценили. А ничего другого ценного в семье не было. И умница бабушка про-сто тихо скончалась от голода в начале 1930-х годов, оставив сиротой шестилетнего папу. А родственники со стороны мамы — потомственные казаки — так спрятали шапку, казачью форму и награды деда, что и сами потом не смогли найти.

Репрессии не коснулись. А страх вроде как и не считается.

Между Вознесенским собором и зданием цирка, перебирая историю семьи, вступаю в Нарымский сквер, торцом выходящий на улицу 1905 года, откуда раздается непрерывный грохот, мешающий сосредоточиться. Однако еще вполне зеленые деревья не позволяют разглядеть, что именно грохочет. До начала церемонии минут 30, поэтому иду через сквер на звук отбойных молотков. И вижу весьма для данного дня символическую картину — сносят старый дом. А символ в том, что он напрямую связан с предстоящим событием — это одна из крупнейших в Сибири тюрем, пересыльная, пыточная, расстрельная. А Нарымский сквер

— это в самом недалеком прошлом кладбище. Погост, причем связанный не только с собором, но и с тюрьмой — тут закапывали расстрелянных и замученных. Вернее, то, что от них оставалось. Еще мальчишкой я слышал о том, что могильщики сходили с ума от вида окровавленных тел с торчащими из них обломками костей — новосибирские палачи славились на всю Сибирь своей нечеловеческой жестокостью и беспощадностью. Потом, когда нравы слегка смягчились, в здании тюрьмы разместили психиатрическую клинику с политическим уклоном излечения инакомыслящих. Психиатры мало в чем приотстали от своих предшественников-палачей. Но об этом в городе уже говорили открыто. Видимо, из того периода я отношусь к психиатрии и психиатрам с чувством омерзения, которое выветривается крайне неохотно...

На митинге, проходящем под грохот отбойных молотков, но без начальства, снос обойти вниманием не могли, хотя, как обычно, мнения разделились: от принятия резолюции до немедленного «набить морд» строителям.

Возвращался со сверлящим голову вопросом: «К чему та-

кая спешка? Испугались второго Ипатьевского дома?»

Ответ пришел — в котловане нашли человеческие останки. Или погост уже был переполнен, или просто переусердствовали.

Примечательно, что в сохранившемся фрагменте здания еще одной расстрельной тюрьмы располагается государственное учреждение под неграмотной вывеской: «Управление ПО государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области». Странно, что КГБ никогда не расшифровывалось, как Комитет ПО государственной безопасности.

Впрочем, там редко что расшифровывали — просто били и стреляли. До вы-рождения культуры. Ну, да хоть не сумасшедший дом... Такая вот горькая связь времен — до перебоев сердца.

Вечная память замученным и раздавленным физически и духовно.

Геннадий ГЕНЦЛЕР,
Новосибирск

На снимке: Памятник жертвам репрессий в Нарымском сквере. Фото из архива Новосибирского «Мемориала». Фото автора

➤ Окончание. Начало на с. 8

шей страны в тот момент были забыты главные ценности — человеческая жизнь, достоинство. И память об этом важна прежде всего для будущего России.

Акция началась 30 октября в 12 часов дня с митинга на Троицкой площади, после которого зачитывались имена тех, кто пострадал от политических репрессий с 1925 г. по 1950 г. на Левашовском кладбище состоится траурная церемония возложения венков.

СОЛИКАМСК

Традиционно в Соликамске в этот день проводится митинг у мемориала жертвам политических репрессий. 27–30 октября в образовательных учреждениях и библиотеках города прошли уроки Памяти, встречи с людьми, пострадавшими от репрессий. Также прошли тематические экскурсии «Соликамский ГУЛАГ», организованные «Соликамским горизонтом». Постоянным участником рабочих групп по подготовке к памятной дате является общество российских немцев г. Соликамска «Возрождение».

СЫКТЫВКАР

30 октября в Сыктывкаре почтили память жертв политических репрессий. Митинг начался у памятника-часовни на улице Кирова, на пересечении с улицей Домны Каликовой. Участники возложили цветы также в Эжке (к памятнику ссыльным литовцам на старом Слободском кладбище), в Нижнем Чове (у поклонного креста) и в Верхней Максаковой (к памятному знаку).

В национальной библиотеке состоялась подведение итогов республиканского конкурса на лучшую работу по истории политических репрессий среди студентов и аспирантов. В национальном архиве открылась выставка архивных и исторических документов. В Национальном музыкально-драматическом театре, при поддержке Немецкой национально-культурной автономии, прошла премьера спектакля «Жизнь с привилегиями «навечно» по пьесе потомка ссыльных немцев Николая Волохова.

ТВЕРЬ

В храмах города прошли поминальные службы. В сквере им. Казакова состоялась традиционная церемония возложения цветов к памятному знаку жертвам политических репрессий. Позже цветы были возложены к мемориальной доске узника внутренней тюрьмы УНКВД по Калининской области, расположенной во дворе Тверской государственной медицинской академии. В ДК «Химволокно» с концертной программой «Таланта прерванный полет» по произведениям репрессированных композиторов выступили солисты ансамбля «Грезы». В образовательных учреждениях города в этот день были проведены тематические уроки истории.

ТОЛЬЯТТИ

В парке культуры и отдыха Центрального района около мемориала «Скорбящий ангел» состоялась мероприятие, посвященное Дню памяти жертв политических репрессий.

ТОМСК

Камень на гранитном подиуме с мраморной аркой, высота которой 3,5 метра, установленный по инициативе администрации Томска и Томского «Мемориала», находится в сквере напротив томского горисполкома. Памятник был установлен на средства городской администрации. Помощь оказали депутаты гордумы, областной театр, ТПУ и другие.

На памятнике высечена надпись: «В память убиенных на Томской земле в годы политического террора установлен этот камень скорби».

Ежегодно 30 октября в День памяти жертв репрессий в сквере проходит митинг. Всего за годы сталинских репрессий от них пострадали около 20 тысяч томичей.

ТУЛА

В Туле в День памяти жертв политических репрессий вот уже в третий раз проводилась акция «Молитва памяти» — молитвенное поминовение миллионов на-

ших сограждан, невинно погибших в годы советского террора.

В этот день у памятного камня в сквере на пересечении улицы Дм. Ульянова и Красноармейского проспекта из Книг памяти, изданных Тульским «Мемориалом», зачитывались имена расстрелянных и погибших в заключении на Тульской земле. Участвовать в данной акции могут все желающие. Можно было приходить со списком имен своих пострадавших родственников — они тоже были прочитаны.

Смысл акции «Молитва памяти» в том, чтобы дать возможность нашим современникам пережить чувство личной причастности к судьбам миллионов расстрелянных и репрессированных в нашей стране людей, вспомнить поименно тех, кто был превращен в материал великих строек, лишен права жизни и права памяти.

Еще одна традиция этого дня — вечером в 21.00 поставить на окне свечу и зажечь ее, чтобы почтить память невинных жертв.

ТЮМЕНЬ

В Тюмени 30 октября у мемориального знака во дворе бывшего здания НКВД по адресу улица Семакова, 18 (место массовых расстрелов жертв политических репрессий) жители областного центра провели митинг, панихиду, возложили цветы и венки, почтили память погибших минутой молчания. Затем автобусы с участниками митинга отправились к памятным знакам, расположенным на улице Полевой, в Березовой роще (улица Николая Федорова), на восточной стороне Текутьевского кладбища.

В настоящее время, по данным департамента социальной защиты населения Тюмени, в Тюменской области проживает около 8800 реабилитированных лиц и людей, признанных пострадавшими от карательных мер государства.

УЛАН-УДЭ

День памяти жертв политических репрессий отметили различными мероприятиями в Улан-Удэ на этой неделе. Всего в Республике

Бурятия проживает 2472 человека, пострадавших от политических репрессий. В настоящее время около тысячи улан-удэнцев имеют льготный статус реабилитированных и пострадавших от политических репрессий. Об этом сообщает ИА UlanMedia со ссылкой на управление по информационной политике администрации Улан-Удэ.

28 октября в парке им. Жанаева у мемориала прошел митинг, посвященный Дню памяти жертв политических репрессий. Собравшиеся почтили минутой молчания миллионы людей, которые были необоснованно подвергнуты репрессиям, отправлены в исправительно-трудовые лагеря, в ссылку, лишены жизни в те годы.

29 октября в городском культурном центре прошла тематическая программа «Горькие судьбы», посвященная Дню памяти жертв политических репрессий.

30 октября у мемориала жертвам репрессий по ул. Линховойна, 4 был организован митинг, посвященный памяти людей, погибших и пострадавших в ходе политических гонений. У мемориала собрались потомки репрессированных и люди, которые пережили сталинские концлагеря.

ХАБАРОВСК

Панихида, посвященная Дню памяти жертв политических репрессий, прошла в Спасо-Преображенском соборе. Митинг и церемония возложения цветов к Стене Памяти, посвященные Дню памяти жертв политических репрессий, были организованы на Городском кладбище. У Памятного знака на ул. Краснореченской состоялась церемония возложения цветов посвященная Дню памяти жертв политических репрессий.

ХАНТЫ-МАНСКИЙСК

В Ханты-Мансийске митинг прошел возле мемориала жертвам политических репрессий, который был построен на месте, где раньше стояла комендатура и отмечались ссыльные. Возле мемориала 30 октября собралось не-

сколько десятков человек: школьники, родственники репрессированных.

ЧЕЛЯБИНСК

До 1974 г. День политзаключенных отмечали 5 сентября — именно в этот день в 1918 г. был принят декрет «О красном терроре», ознаменовавший, в том числе, появление концентрационных лагерей. В Челябинске жертв политических репрессий ежегодно вспоминают именно 5 сентября.

В этом году около 200 человек приняли участие в митинге-реквиеме на «Золотой горе». Среди них горожане, пострадавшие от репрессий, их родственники, представители общественных организаций, защищающих права репрессированных и реабилитированных, а также школьники и студенты.

Мемориальный комплекс «Золотая гора» установлен на месте захоронения жертв сталинских репрессий на северной окраине поселка Шершни. Тайный могильник с останками расстрелянных был обнаружен в 11 шахтах в 1989 г.

ЯРОСЛАВЛЬ

В Ярославле на Леонтьевском кладбище прошел митинг, посвященный Дню памяти жертв политических репрессий. В митинге приняли участие первые лица города и региона, представители Ярославской епархии Русской православной церкви, общественность и школьники. Организатором митинга стала Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий города Ярославля, а также управление по социальной поддержке населения и охране труда мэрии Ярославля. В 1930–1950-х гг. XX в. в Ярославской области репрессировали 16 712 человек, из них были убиты 2380 человек. В настоящее время в Ярославле проживает 978 реабилитированных граждан.

По материалам ИТАР ТАСС, ИА Амур-Медиа, «Псковской Ленты Новостей», «Тольяттинские новости», «Восток-медиа», интернет-портала «Права человека в России» hro.org, «Kogit.ru», Cogita.ru, Радио Свобода, Русской службы Би-би-си

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

Я присутствовал на всех без исключения конференциях, создававших «Мемориал», когда мы организовывались, выбирали членов и т.д., руководство. Участвовал в первом конкурсе проекта общества. Первая идея была — сделать памятник жертвам. На этой идее стали собираться люди, сразу повалили со всех сторон. Это еще до Недель совести. Я пошел в сберкассе и передал 50 рублей на этот памятник. У меня даже где-то квитанция валяется. Я с тех пор в «Мемориале».

Сейчас в России едва ли у кого есть информация о нашем роде. Шамборант — это граф. Я остался один. На мне пресекается род. А во Франции это случилось раньше — в 1830 году. Последним был генерал, наполеоновский гусар. Он от-

ведение не считалось высшим образованием, его нужно было еще подтвердить в университете. Вот он и поступил. На основании чего моя мама в своих автобиографиях впоследствии писала, что она вышла замуж за студента.

Так как мой отец был непригоден к военной службе, он пытался пройти вольноопределяющимся, как брат моей мамы Костя, дядя Котик. Они вместе учились, откуда и знакомство с моей мамой произошло. Отца забраковали из-за глаз, он был абсолютно близорукий. Рассматривал всегда близко-близко. Снимет пенсне и подносит к самым глазам. Для армии это не годится. В его документе написано, что он ратник второй категории, то есть в запасе. Когда его в армию не взя-

ский советник. Это вторая ступень в табели о рангах. Самая высокая — это действительно тайный советник. А вторая — действительный статский советник, то есть полный генерал. Есть фотография моего деда Карамышева, маминого отца. Но пришлось оставить только одно лицо, потому что он был снят в мундире камергера, мама оторвала.

У нас был один адрес: Арбат, 27 — угол Старокопюшенного и Арбата. Там была квартира дяди моего отца, Владимира Викторовича. Он служил в армии, потом вышел в отставку и был заведующим иностранным отделом московского почтамта. У него была громадная семья. Была у него масса дочерей, был сын, самый младший,

Я сам ездил с папиным ординарцем во время войны, когда перебирался куда-то наш отряд. Он сажал меня вперед, перед собой. Я много ездил с ним. Устану, меня ссадят, покормят, потом опять...

Потом был такой случай: приехал Врангель навестить раненого полковника. Я помню эту кавалькаду в лицо. То, что это Врангель, мне рассказали. Я же не знал, как его зовут. Кавалькада спешила, поставили своих лошадей около наших и ушли. А я с нянькой гулял.

— Хочу ехать верхом! Вот на этой лошадке.

— На этой нельзя.

— Нет, я на этой хочу!

Так я поехал на лошади Врангеля! Причем самостоя-

Даже площадка, где я играл. Там от балкона дома шла аллея к купальне, было такое расширение, был «мой» песок. Идя уже от того места, где был дом, мы на этом месте нашли рояльные ножки. И встретили женщину, которая вернула мне три серебряные вещи: вилку, ложку и маленькую ложку. Она узнала маму и сама принесла. Рассказывала, как грабили. В деревне они нас принимали...

Была однажды такая встреча, когда мы жили в Воронеже. Мы с мамой шли по проспекту. Большая Дворянская раньше называлась, потом проспект Сталина, конечно, потом проспект Революции. Вот мы шли по этой Большой Дворянской, и вдруг какой-то громад-

Когда весной 2014 г. Георгию Георгиевичу исполнилось 100 лет, мы поздравляли его с юбилеем, почти невообразимым, но были уверены, что этот юбилей — еще далеко не последний.

В нем замечательно совмещались абсолютная определенность взглядов и внимание к чужому — пусть подчас и противоположному — мнению, приверженность решительным действиям — и безграничная доброжелательность, высокая культура, аристократическое происхождение — и демократичность, готовность и умение говорить с любым собеседником.

Георгий Георгиевич много лет проработал на одном из самых сложных участков — в приемной «Мемориала», куда приходили бывшие узники Гулага и родственники расстрелянных. Им было непросто вспоминать и рассказывать о прошлом. Эрудиция, толерантность, чувство юмора и, не в последнюю очередь, необыкновенная галантность Георгия Георгиевича были здесь просто незаменимы.

Он был не просто одним из нас и нашим другом — он был всеобщим любимцем.

И если говорить о Георгии Георгиевиче, то светлая память — не казенный оборот, а точная констатация.

В архиве «Мемориала» хранятся записи бесед с Георгием Георгиевичем. 100 лет жизни — есть о чем вспомнить, но невозможно уместить на газетной полосе. «30 октября» публикует фрагменты из этих записей.

БЕСЕДЫ С ГЕОРГИЕМ ГЕОРГИЕВИЧЕМ ШАМБОРАНТОМ

личился тем, что в конном строю захватил английский корабль. Они, англичане, подошли к берегу запасть водой. А разезд Шамборанта был рядом. Увидели и захватили — и корабль, и англичан. В честь него назван полк. Гусарский полк графа де Шамборана, который и сейчас существует во Франции. Он принимает участие в парадах, верхом, в мундирах старинных, для торжеств, ну, как у нас конная милиция. Есть гравюра замка Шамборанов 1070 года, XI век.

Моя дочка Оля ездила в Париж, там заинтересовались, что-то у нее такая французская фамилия. Она объяснила, что да, французское происхождение. Рассказала, что одному из ее прадедов отрубили голову на Гревской площади и родственники переехали в Россию, им не понравилось, что голову рубят.

Французы тут же набрали на компьютере нашу фамилию и получили данные. У меня много родственников во Франции.

Шамборант я один. Мои дочери сохранили фамилии, но не передали. А мужчин нет. Деда помню очень слабо. Он умер в 1920-х годах от тифа. Дело в том, что моя бабушка вышла замуж неудачно.

Мой отец Георгий Александрович, так как был очень сильно близорук (всегда в пенсне, у него было минус восемь), был определен в училище правоведения. Окончил его, поступил в юридический университет. После окончания правоведения нужно было еще год-полтора проучиться, получить полное юридическое образование. Потому что право-

ли, он обратился к шефу своего училища правоведения принцу Ольденбургскому. А принц Ольденбургский был начальником санитарной службы царской армии. И тот направил отца и папиного приятеля и соседа по дортуару Александра Алехина, шахматиста. Папа говорил: «Я очень много играл с Алехиным». Потом делал некоторую паузу и продолжал: «И ни разу не выиграл».

Сначала отец работал на складе Красного Креста, а потом попросился в армию. Их обоих принц направил в передвижные, назывались «передовые перевязочные пункты». Вот как это называлось сперва — «передовой фронтовой 9-й перевязочный пункт». Это прямо на границе артиллерийской стрельбы. Там перевязывали и отправляли дальше. Потом он разросся до санитарного поезда и передвижного госпиталя во время Гражданской войны.

И мама окончила под шефством какой-то княжны медицинские курсы. До этого мама окончила только псковскую гимназию. Причем в 1927 году это свидетельство об окончании псковской гимназии было взято в НКВД. Когда мне отдавали, я спросил: «Зачем вы взяли документ об образовании? Зачем он-то вам?» Мне отвечают: «А как же? Там написано — дочь действительного статского советника». А мой дед — Карамышев Модест Модестович. Титула у них нет, но фамилия стоит титула. Карамышевская набережная — это усадьба Карамышевых (ударение на «ы»). Очень древний род, татарского происхождения, уже при Иване Калите, может, и раньше, они уже были на русской службе. Дед был камергер и действительный стат-

Владимир. Еще были дядя Петья, дядя Коля. Эта ветка семьи совершенно неожиданно оказалась на красной стороне, большевистской.

Я родился в 1914 году. В Тимском уезде, в деревне Дурновке. У моих родителей был конный завод, я родился на конном заводе. Каждого жеребенка мне приносили в дом показать. Вот родился жеребенок, и мне его приносили в комнату. Уже когда он стоит на ножках, мне его приносили.

Я прошел всю войну — одну и другую — Первую империалистическую и Гражданскую. Причем я был в действующей армии. С трех лет.

В армию я попал, потому что некуда было больше деваться. Нет, было, еще было куда деваться, конечно, но моя мама решила, что это лучше. И меня с нянькой взяли в действующую армию на Юго-Западный фронт, которым командовал Брусилов. Такие слова, как Перемышль, — это мои детские слова, потому что я его «брал».

Мой отец там был в это время начальником госпиталя. А потом, могу посмотреть послужной список, там написано, что он начальник гужевого транспорта Красного Креста Юго-Западного фронта. А мама была старшей хирургической сестрой. Она сразу же, как началась война, окончила курсы и поехала в папин отряд.

Когда начал разваливаться фронт, отец сформировал громадный санитарный поезд, примерно из 30 вагонов. Погрузили всех раненых и поехали в Россию, в Царицын. И долго защищали Царицын от большевиков. 1919 год.

Ну, лошадь-то почувствовала, кто на ней сидит. Побежала прямо к яслям наших лошадей и меня туда подкинула. Я через ее голову — туда, упал прямо в ясли. Я же не мог удержаться на лошади.

А Керенского я увидел вот как. Мой отец служил в Юго-Западной армии, ее командующим был Брусилов. И вот мы стояли в большой школе. У школы был громадный плац. В углу плаца стояла лебедка и на высоте висел наблюдательный аэростат для корректировки огня нашей артиллерии, «колбаса» назывался.

И там состоялся митинг солдат и раненых из госпиталя и пришедших из местных частей. И выступал какой-то человек. Ему вынесли пюпитр, и он произнес очень горячую речь. А мы с няней гуляли на плацу. Меня поразило тогда, что он достал револьвер и стучал по этому пюпитру. Я это запомнил, на меня это произвело впечатление. Потом мне объяснила мама: «Так это же был Керенский! Он же приезжал агитировать на Юго-Западный фронт, чтобы продолжали войну. Вот и все».

От дома нашего в имении Дурновке, в Курской губернии, ничего не осталось, все сметено. Мы ехали с мамой как-то из Крыма, в 1924 году. Мама вдруг забеспокоилась. Давай, говорит, слезем.

Мы слезли, отметили там билет. Там километров 10–15 до нас. Добрались. Мама ходила и говорила: «Вот здесь был погреб, здесь были конюшни, здесь был коровник, здесь была купальня на Сейме, здесь была роща, здесь была аллея». Спеленные пенечки я видел.

Схватил мою маму и начал ее кружить. Оказалось, это был агроном из бабушкиного хозяйства, который знал маму в те времена еще. Он приехал на какой-то съезд агрономический в Воронеж. Вот встретились случайно.

Бабушка моя была мудрая женщина. Она очень хорошо вела хозяйство своих сыновей. Было большое скотоводство, конный завод, на котором было около 70 кобыл только. Бабушка была очень прогрессивная и успешная.

Так вот, когда уже нельзя было оставаться в доме, меня взяли с нянькой в действующую армию, а бабушка уехала в Москву, спасалась здесь. Ее вывели сердобольные солдаты, артиллеристы, на снарядном ящике. Двуколка для снарядов. Она взяла с собой только сверток с фотографиями и комплект столовой посуды, ложку, маленькую ложку, вилку, ножик. Сколько я себя помню, я помню этот нож. Он существовал всю мою жизнь. Столовый нож из серебра Кутузовых. Лезвие, конечно, меняли, я последний раз сам менял. Ручка из серебра Кутузовых, потому что мама моя Карамышева, они какие-то родственники Кутузовых. И у них много было вещей от Кутузовых. В частности, походные часы Кутузова были, такие, в кожаном футляре.

Нам не удалось эмигрировать, родители не могли. Красноармейцы потом отца очень поддержали во время первого ареста. Они написали, что к ним хорошо относились, их лечили, выдавали документы. Отцу это помогло.

Когда моего отца выпускали из тюрьмы в первый раз, вот тогда, когда с братом путали, его выпускал не кто иной, как Иван Дмитриевич Папанин, который был тогда комендантом симферопольской ЧК. Он сказал, что он бы не выпустил, а шпокнул. Но выпустил, тогда такое бывало.

Мы жили какое-то время при госпитале. Отец скрывался. Иногда заходил к нам ночью. Это было очень редко, и меня не будили. Потом его там, в Симферополе, посадили. Тогда он легализовался. Начал уже там работать, как это ни странно, юристом в милиции. Он где-то увидел объявление, нужны были юристы, он пошел. Его тут же и арестовали. По доносу, приняв за другого — за Бориса. А Борис — командир Красной армии, какой-то дивизии или полка. Он же был ротмистр, у него же специальность была военная, воевал уже 4 года. Специалист! Борис распропагандировал полк, перешел на сторону белых. Так вот, в Симферополе сказали, что отец — это Борис, враг. И отца арестовали. Посадили в ЧК. Но очная ставка показала, что он все-таки не Борис. Доноситель сказал, что похож, но не Борис. Отец предъявил такие документы, где было видно, что он не военный. Начальник госпиталя, но не военный.

Месяца два отец был арестован. Мы ничего не знали. Мама работала в госпитале острых инфекционных заболеваний — сап, холера, тиф. И домой она не приходила. Она с нянькой встречалась где-то и передавала с ней заработанные продукты.

Нянька Нюся моя была — обожаемая. Мама выписала ее, как только я родился. Она и маму самую вынянчила в свое время. Мы так и жили с Нюсей. Я никогда ее в жизни не называл Нюся, только няня. Сперва жили мы где-то в центре, снимали большую довольно квартиру у каких-то караимов. Там было большое зеркало, трюмо. Я даже помню немножко обстановку. Под этим трюмо я устраивал себе дом. Мои куклы там жили. Две куклы были всю войну.

Мы жили с бабушкой — я, мама, папа. А зарабатывала одна мама. Мама сняла с себя кулон, какой-то о-очень дорогой, плакала, наверное, две недели, и отправила няню во Псков. Мы больше не виделись.

Папа сидел еще, а мама и другие жены ходили на кладбище, где расстреливали, и они обменивались там записками. Ну, например, мама принесла записку, развернутый мундштук папиросы. Там написано: «Нас расстреливают, передайте» — и кому передать. У мамы долго была эта записка, она искала, кому передать.

Потом как-то незаметно для меня взаимоотношения между моими родителями портились. И мама решила искать себе более подходящую работу. Мы с ней сели на автобус. Тогда открытые были автобусы, там человек 15–20 могло ехать. Мы решили поехать в Алупку. От Ялты уже едем на открытом автобусе в сторону Алупки, на встречу нам шла машина легковая. И вдруг мама и женщина, которая ехала в машине, начали страшно кричать: «Остановите, остановите!!!». Оказалось, что это мамина двоюродная се-

стра, тетя Катя. А она ехала в Ялту со своим мужем Евгением Александровичем Аболтиным. Чудо! Встретиться на двух разъезжающихся машинах!

А муж тети Кати был директором большого санатория. Потом, уже в 1930-е годы, в он был директором сельхозиздательства в Москве, в Министерстве сельского хозяйства. Я был у него. А его брат был председателем ЦИК Крыма, впоследствии был расстрелян.

Вот тетя Катя сказала маме, куда ей приходиться, потому что они послезавтра вернуться. Они вернулись, и мама стала сестрой-хозяйкой этого санатория. А папа остался в Симферополе. Он приезжал к нам иногда. Мы с ним в городки играли. Мы прожили в Мисхоре, в доме отдыха в общей сложности года четыре. На зиму уезжали в Москву, когда дом отдыха закрывался.

Это был военный дом отдыха. Там я познакомился с Зорге. Тогда у Зорге была какая-то другая фамилия, это я потом узнал, что он — Зорге. У него была своя комната, постоянная. Он иногда приезжал, иногда уезжал. Сам Аболтин сказал, что это был Зорге.

Потом мы решили перебраться в Москву. И отец. Вместе. Мы приткнулась на Арбате, а потом мамина подруга уезжала в Монголию со своим мужем и оставила нам свою квартиру. Это было на Спиридоньевке. Мы в этой квартире прожили два года, и бабушку забрали с собой, Марию Ивановну. Мы с бабушкой ходили на Патриаршие пруды.

До этого мы жили в Перловке и Лосиноостровской. С бабуш-

кой мы занимались, и до сих пор, если я знаю что-нибудь из истории, так это от бабушки. Бабушка меня просвещала, она была высокообразованная женщина. Она знала и языки прекрасно, и английский, и французский в совершенстве, и немецкий, и историю. Мама тоже знала французский. И постоянно родители разговаривали на французском.

Устроились мы. В первое время было очень плохо. Отец какие-то конверты клеил. Тогда же НЭП уже начался. И вот какие-то коммерсанты, им нужны были конверты, отец клеил конверты. Ругался...

А мама сразу пошла в госпиталь. Но потом нашелся статистик папиного отряда, передвижного госпиталя, Темкин Александр Владимирович. Он устроил маму работать в справочное бюро. Будочка на Арбатской площади. И тут же была моя школа, 31-я школа, так что я заходил к ней в перерыв.

Дома большая комната была. Стояли два шкафа, там было отделение бабушки, а здесь — родительская кровать, моя кушетка, мой письменный стол. Пару ящиков моего стола я сдавал папе в аренду, за что мне выписывались журналы «Следопыт» и «Вокруг света».

В 1927-м высланы были мы все: я с родителями, Петр Владимирович, Елена Владимировна, ее муж. Все высланы были в разные стороны, а потом все стеклись к нам в Воронеж. Образовалась вся высылка из-за Зорина Павла Георгиевича, нашего родственника. Всех обвинили в том, что на свадьбе произносились антисоветские тосты. Донесли, конечно. Я это точно знаю, по протоколам. Донесла мать невесты.

Всех сослали, один папа получил 5 лет Соловков.

Тогда сразу арестовали целую группу — Шамборантов и их родственников. Пытались даже назвать это дело «Дворянское гнездо». Арестовали отца, маму, дядю отца, Петра Владимировича Шамборанта, теток моего отца, в общем, 7 человек. Сразу, в один день.

Отца — на Соловки, мама просидела полгода в Бутырьках, а потом нас с ней выслали из Москвы. Называлось это «минус шесть». Но на самом деле это минус, по крайней мере, пятьдесят. Потому что нельзя было жить ни в прибрежных городах, ни в приграничных, ни в столицах союзных республик. Даже в Ялте нельзя было.

В Воронеж потом все постепенно переехали.

От отца информация была очень скудная, раз в месяц письмо. Мы могли ему писать, а он очень редко. Раз в месяц или в два месяца, я не помню. Он на Соловках пробыл от звонка до звонка — 5 лет. Тем временем мы прожили в Зубцове какое-то время, но оказалось, что и там мы жить не можем, маме не дают работы. Запретили. Там больница и одна, и вторая, и поликлиника, а районные власти запретили ее принимать на работу как высланную. И мы тогда еще раз переехали, в Воронеж.

Устроилась мама в больнице под Воронежем, в Касторинском районе. Там Алынинский сахарный завод и Новоалексеевская районная больница. Мама была высококвалифицированной хирургической сестрой. Она была в госпитале старшей сестрой. И операционной, и с наркозом.

Взял ее молодой врач Русанов, он был сыном профессора Русанова, хирурга и заведующего хирургическим отделением клинической больницы в Воронеже. У меня даже есть письма, его характеристики мамы. Он еще и знаменитый охотник, он писал об охоте. И Ваня, мой внук, тоже увлекается охотой. Я ему отдал характеристики мамы, подписанные Русановым.

Этот профессор Русанов взял маму старшей сестрой. Она хирургическая сестра со времен Гражданской войны, она там научилась делать наркоз...

Мы доживали в Воронеже до возвращения моего отца. Он вернулся в 1932 году.

Отец приехал в Воронеж, и мои родители развелись. Мама уехала в Москву, она работала с французом, а мы с отцом жили вдвоем.

Я должен еще признаться, хотя мне это не очень приятно, что мой отец оказался слабым человеком. Вот мама была очень сильным человеком, о-очень. А отец — нет. Вот то, что он пережил, катастрофа общая, потеря всего его подорвала. Он спился. И когда он вернулся к нам, это уже был совсем не он. А мама запаха не переносила. Она за меня боялась в какой-то степени. Хотя это — напрасно.

Мама умерла в 1976 году. Похоронена здесь, на Хованском кладбище. Мама моя была очень сильная женщина, очень сильная. Она ничего не растеряла, ничего из того, что было в ней заложено воспитанием, происхождением.

Как моя мама относилась к советской власти? (смеется). Она, конечно, ходила на службу всю жизнь, но советскую власть она не приемлела ни в какой степени. Так же как и мы все.

Между прочим, хорошее дело делает «Мемориал»! Я в сборнике школьных работ нашел дело «Воронежских мелиораторов». Я там нашел своих учителей. Грищенко, Иванов — это мои учителя черчения и тригонометрии. Замечательное мемориальское дело, его надо расширять! Чтобы было больше детей и школ. Сами работы перевернут психологию детей.

Я не удовлетворен своей жизнью, потому что я не убил Сталина. Это не смешно. Я должен был искать оказию. Должен! Я не оправдал надежд своих родителей, поэтому я своей жизнью не доволен. Они хотели вырастить достойного человека, но я оказался недостаточно достойный. В таких условиях я должен был искать возможности. Это не поза, а внутреннее самочувствие.

Пропавшая жизнь. Вот если бы я способен был писать, я бы написал. Пропавшая, украденная жизнь. У нас действительно украли жизнь. Причем хорошую, добропорядочную...

Два моих дяди 6 лет воевали, ранены были по несколько раз...

Я считаю, что 50 лет минимум здесь жизни еще не будет. Все очень идет туго и не в ту сторону. Мне так кажется, всю жизнь казалось и продолжает казаться, что хороший человек работать в КГБ не пойдет. А сейчас вся верхушка оттуда.

Записала Ирина ОСТРОВСКАЯ

На снимке: Георгий Георгиевич Шамборант в приемной «Мемориала». Фото из архива НИПЦ «Мемориал»

ДЕКАБРЬСКИЕ И ЯНВАРСКИЕ ХРОНИКИ

1929. 21 декабря

Во время празднования 50-летия генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В.Сталина его впервые назвали «вождем партии». Согласно документам, Иосиф Джугашвили родился не 9/21 декабря 1879 г., а 6/18 декабря 1878 г. (запись в метрической книге Успенского собора г. Горьки). По данным «Мемориала», лично Сталиным только за 1936–1938 гг. были подписаны списки на осуждение более 40 тысяч человек, в подавляющем большинстве к расстрелу, получившие название «сталинские расстрельные списки».

1934. 1 декабря

В Ленинграде был убит член политбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь обкома и горкома партии Сергей Киров. В тот же день ЦИК СССР принял постановление, лишающее лиц, обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов, права на защиту в суде, на кассационное обжалование приговоров и подачу ходатайств о помиловании. Эта чрезвычайная процессуальная норма легализовала бессудные расстрелы и аресты. Опираясь на нее, были уничтожены тысячи людей. Она была отменена только после смерти Сталина.

15 декабря

В Киеве в ходе массовых расстрелов представителей украинской интеллигенции казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР Константин Степанович Соляков (псевдоним Клим Буревой/Хвелевий) — общественный деятель, выдающийся украинский писатель, в 1917 г. — член Учредительного собрания и Центральной рады.

1939. 14 декабря

За нападение на Финляндию СССР был исключен из Лиги Наций как государство-агрессор. После подписания в августе 1939 г. пакта о ненападении между Германией и СССР в соответствии с секретными дополнительными протоколами к нему Финляндия оказалась в «сфере интересов» СССР. В связи с этим Москва заявила финской стороне о своем намерении отодвинуть границу на Карельском перешейке на 50–70 км от Ленинграда, а также выдвинула требование уступить некоторые острова в Финском заливе. Во время переговоров финская сторона не пошла на предложенное СССР изменение границ своей территории. В 8 часов утра

1939 г. Карта с предложениями СССР по изменению государственной границы с Финляндией. Политуправление РККА — газета «Пропагандист и агитатор РККА», № 23, декабрь 1939 г.

30 ноября войска Ленинградского военного округа перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и в ряде других районов.

1949. 17 декабря

После показательного процесса в Болгарии был расстрелян бывший член политбюро ЦК БКП, заместитель председателя совета министров Болгарии Трайчо Костов, обвиненный в связях с «фашистской бандой Тито». Костов должен был «признаться» в том, что он принимал участие в титоистском заговоре, целью которого был отрыв Болгарии от Советского Союза и передача ее «империалистам» через образование Южнославянского союза. Он должен был «разоблачить» Тито как шпиона англо-американских разведывательных служб. На процессе Костов отказался от показаний, сделанных на следствии, и заявил, что они были вырваны пытками.

21 декабря

Последний прижизненный юбилей И.В.Сталина — 70 лет. Все газеты в течение месяца были заполнены поздравлениями «трудящихся всего мира», а из присланных генералиссимусу подарков был создан музей. Апогей «культ личности».

1954. 19 декабря

В Ленинграде были расстреляны бывший министр госбезопасности СССР В.С.Абакумов и его ближайшие помощники В.И.Комаров, А.Г.Леонов, М.Т.Лихачев. Одним из основных пунктов обвинения стала фабрикация в 1949–1950 гг. «ленинградского дела». Вначале арестованных обвиняли в «сокрытии следственных данных о подготовке заговора медиков против руководителей партии и правительства». Однако через 2 года следствия, после разоблачения надуманного «дела врачей», В.С.Абакумова и других проходивших вместе с ним по делу фигурантов зачислили в «банду Берии» и в декабре 1954 г. расстреляли.

1969. 20 декабря

В Москве был арестован Виктор Красин, один из участников и инициатор создания Инициативной группы по защите прав человека, был выслан на 2 года в Сибирь «за тунеядство».

24 декабря

Арестована Наталья Горбаневская, первый редактор «Хроники текущих событий». Участник демонстрации 25 августа 1968г. на Красной площади против ввода войск в Чехословакию. Была признана невменяемой и помещена в Казанскую спецпсихбольницу.

1974. 10 декабря

Александру Солженицыну была присуждена Нобелевская премия по литературе «за нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы». В 1970 г. советское правительство сочло решение Нобелевского комитета «политически враждебным». Солженицын с благодарностью принял награду, но, опасаясь, что после своей поездки он не сможет вернуться на родину, на церемонии награждения не поехал. Через 4 года — после высылки Солженицына из СССР — ему вручили диплом и денежную часть премии.

27 декабря

В Москве арестован член Инициативной группы по защите прав человека, один из редакторов «Хроники текущих событий» Сергей Ковалев. На следующий день он

был этапирован в Вильнюс, где прошли следствие и суд над ним.

Ковалев был арестован после пресс-конференции на квартире А.Д.Сахарова и обвинен в антисоветской агитации и пропаганде. Одним из эпизодов его «преступной деятельности» оказалось участие в организации Дня политзаключенного.

1979. 4, 17, 19 декабря

Состоялись процессы над членами Украинской Хельсинкской группы. Петр и Василий Сичко (г. Львов) получили по 3 года лагерей каждый; Юрий Литвин (г. Васильков, Киевская обл.) — 3 года лагерей строгого режима (в 1982 г. прямо в лагере он был осужден еще на 10 лет лишения свободы и 5 лет ссылки); Александр Бердник (г. Кагарлык, Киевская обл.) — 6 лет лагерей и 5 лет ссылки.

27 декабря

Якобы по настойчивым просьбам президента Афганистана и лидера правящей партии Хафизуллы Амина, СССР ввел в Афганистан «ограниченный контингент» советской армии. В тот же день «приглашенные» штурмом взяли президентский дворец, Амин был убит, а главой государства и партии объявлен Бабрак Кармаль, которому СССР больше доверял. Началась афганская война, продолжавшаяся более 9 лет.

1989. 5 декабря

В Москве умерла Софья Васильевна Каллистратова (1907 г.р.), правозащитница, адвокат, выступавшая на многих политических процессах конца 1960 — начала 1970-х гг. Член Московской Хельсинкской группы, в 1978–1982 гг. — ее фактический руководитель.

14 декабря

В Москве умер Андрей Дмитриевич Сахаров — академик, лауреат Нобелевской премии мира, народный депутат СССР, председатель Общества «Мемориал».

1994. 3 декабря

В Тбилиси был убит Георгий Чантурия — историк, участник подпольной организации, политический деятель, диссидент, организатор многочисленных антисоветских и антироссийских митингов, крупнейшим из которых стал апрельский митинг 1989 г. После распада СССР — грузинский политический деятель, с 1988 г. по 1994 г. — лидер националистической партии НДПГ.

15 декабря

В г. Ирпень Киевской области умер Григорий Кочур (1908 г.р.) — украинский поэт, переводчик, литературовед, узник сталинских лагерей, общественный деятель.

1920. 6, 15 января

Адмирал Александр Васильевич Колчак сложил с себя звание Верховного правителя России, передав его генералу А.И.Деникину. Колчак был арестован сопровождавшими его военными чехословацкого корпуса и вскоре казнен без суда и следствия по постановлению Иркутского ревкома, получившего указание Ленина. До сих пор Колчак не реабилитирован.

1930. 30 января

ЦК ВКП(б) выпустил постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» — основной документ, определивший масштабы и механизм грандиозной операции по раскулачи-

ванию. Несколько миллионов крестьян были ограблены и отправлены в ссылку в северные и восточные районы страны, где значительная часть этих людей, прежде всего дети и старики, погибли.

1935. 16 января

Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по делу Зиновьева и Каменева, обвиненных в идейном соучастии в убийстве С.М.Кирова. Впервые бывших коммунистических вождей заставили признаться в создании фиктивной оппозиционной организации — так называемого Московского центра. Приговоренные к тюремному заключению, Зиновьев и Каменев больше не вышли на свободу. Они были расстреляны в 1936 г., после нового процесса.

1940. 27 января

В Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР по обвинению в шпионаже был казнен выдающийся писатель и драматург, автор сборников «Конармия» и «Одесские рассказы» Исаак Эммануилович Бабель.

1945. 6 января

В Москве умер академик Владимир Иванович Вернадский — великий ученый, основоположник нескольких научных дисциплин и учения о ноосфере, один из основателей и бессменный член ЦК Конституционно-демократической партии, замминистра просвещения Временного правительства. В годы советской власти он упорно отстаивал право на свободу научного творчества и международного научного обмена, помогал родственникам преследуемых по политическим мотивам. Сталин, несмотря на постоянный «компромат», поступавший из органов госбезопасности, вычеркивал фамилию ученого из арестных списков.

1950. 12 января

Президиум Верховного совета СССР издал указ о восстановлении смертной казни, отмененной в 1947 г. Стали возможны смертные приговоры по обвинениям в терроре, диверсии.

1955. 29 января

В 1951 г. Особое совещание осудило Романа Брахтмана (1931 г.р., еврея, студента Института востоковедения, г. Москва), Виталия Свечинского (1931 г.р., еврея, студента Архитектурного института) и Михаила Маргулиса (1930 г.р., еврея, студента юридического факультета МГУ) на 10 лет лагерей каждого за попытку бегства в Израиль. В 1954 г. дело было возвращено на исследование. В январе 1955 г. они были вновь осуждены военным трибуналом Московского военного округа. Это был один из первых «сионистских» процессов. Брахтман, Свечинский и Маргулис были реабилитированы в 1964 г.

1965. 27 января

Президиум Верховного совета СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Это был один из актов, направленных на свертывание антирелигиозной кампании Хрущева, в ходе которой были репрессированы несколько сотен человек. Многие участники религиозных движений были освобождены и реабилитированы, но статьи Уголовного кодекса, которые использовались для преследования верующих, не были изменены.

1970. 12–19 января

В Ташкенте были осуждены один из лидеров крымско-татарского движения Мустафа Джемилев и московский правозащитник Илья Габай, арестованные в Москве. За участие в крымско-татарском движении подсудимых приговорили по статье «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй» к 3 годам лагерей каждого.

1980. 22 января

Андрей Дмитриевич Сахаров был сослан «за преступную деятельность» (резкая критика начала войны в Афганистане и призыв к международной общественности осудить действия СССР) в г. Горький. Сахаров был доставлен в Горький самолетом под «конвоем» зампреда КГБ С.К.Цвигуна. Он провёл в Горьком около 7 лет.

27 января

В Якутии в колонии строгого режима скончался Владимир Андреевич Шелков — религиозный деятель, председатель Всесоюзного совета верных и свободных адвентистов Седьмого дня. Он провёл в заключении около 25 лет.

1985. 17–18 января

Верховный суд Литовской ССР приговорил Ионаса Матулениса — священника, автора и редактора самиздата — к 3 годам лагерей. Сейчас Матуленис живет в Каунасе, он капеллан Каунасской гимназии иезуитов.

1990. Январь

После митинга Народного фронта Азербайджана в Баку начались массовые волнения, сопровождавшиеся погромами армянского населения. Началось массовое бегство армян из Азербайджана. Ввод 20 января в Баку советских войск из соседних республик привел к многочисленным человеческим жертвам. Все погибшие в результате ввода войск похоронены в Аллее шахидов в центре столицы суверенного Азербайджана.

1995. 1 января

Накануне Нового года по приказу министра обороны РФ П. Грачева начался штурм г. Грозного, сопровождавшийся огромными потерями среди военных и жертвами среди мирных жителей. В городе начались затяжные бои, полностью он был занят военными только в марте. В первые же часы наступающие группировки понесли огромные потери, в плен попали более ста российских военнослужащих. Общие потери федеральной группировки с 31 декабря 1994 г. по 1 апреля 1995 г., по данным российского Генштаба, составили 1426 погибших и 4630 раненых военнослужащих. Число жертв среди мирного населения точно неизвестно. По данным «группы Сергея Ковалева», с декабря по апрель в Грозном погибли от 25 до 29 тысяч жителей».

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством MEMO.PY

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера принимали участие:
А.А.Макаров
Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Декабрь 2014-январь 2015. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно